

Юрий Назаров

ГОРЮШКО
ОТ
УЛИШКА

Юрий Назаров

Горюшко от умишка

«Автор»

2023

Назаров Ю. В.

Горюшко от умишка / Ю. В. Назаров — «Автор», 2023

Нижний Новгород, поздняя осень 1917-го. Из-за известных событий один ярмарочный купец решает вывезти в уездное поместье всё нажитое имущество, включая запас золотых червонцев. Для чего приглашает со стороны древодела для заключения договора на производство работ с грузовиком, на котором и предполагается вывезти добро. Условия сделки случайно узнаёт некий уголовный элемент и передаёт своей банде. Главарь понимает суть задумки купца, банда подстерегает отходной обоз на большой дороге и захватывает его. Во время ограбления налётчики убивают всех сопровождавших, вожака золота не находят, а потому события требуют продолжения. С этого момента для главаря банды начинается гонка в поисках золота, а для формирующихся органов правопорядка - безудержный розыск преступников.

© Назаров Ю. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть I	5
Глава I	5
Глава II	12
Глава	17
Глава IV	22
Глава V	28
Глава VI	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юрий Назаров

Горюшко от умишка

Часть I

Глава I

Нижний Новгород, 1917 год. Поздняя осень претерпевала первые заморозки и готовилась к началам обильных снегопадов, редко когда в этих краях запаздывающих. На южных окраинах города вёл бойкий торг небольшой рынок, объединивший кустарей разного рода деятельности. Входная деревянная арка торговой площади сообщала всяк сюда впервой попавшим, что это «СРЪДНОЙ РЫНОКЪ», а ниже разъясняла рукописным текстом: «торговля провіантомъ и рѣмѣслѣннымъ товаромъ».

Потребно – выбирай, что люди показали; а коли имеешь, что предложить – вставай не чурайся в подходящий ряд.

***

По ремесленному ряду шёл высокий, солидный бородач в меховой шубе и недешёвом малахае на голове. Не особенно чем интересующийся, остановился он возле прилавка с серебряной, золочёной и расписной фарфоровой посудой, и тонкой чёрной тростью, инкрустированной золотистой нитью, манерно указал на приглянувшиеся вещицы:

– Почём за серебро ноне просишь?

Торговец засуетился, радуясь выбору покупателя, поднял напоказ столовый набор для специй – несколько предметов на фигурном серебряном блюде – и сопровождал улыбкой:

– Подыми полчервонца, Авдей Семёныч, сдам без торга!

– Знаешь меня – откель? – удивился бородач.

– Сталось давеча, отцу вашему заказ сполнял... – втираясь в доверие, слезбил торговец. Авдей Семёнович, услышав об отце, отвернулся и направился дальше, бормоча под нос:

– Нет боле отца... Непочайно бывое ворошить...

Проходя мимо прилавка с вывеской «Галантѣрѣя Горячева А. А. Пошивъ издѣлій из яла, юфтя и сыромяги», торгующего кожаными и прочими изделиями, бородач остановился вновь:

– Сам скорняк, на сбыте ли стоишь?

– Або оставаться сытым, обретаюся на сбыте! – сочинил галантерейщик, – А отец мой с вуями скорняки мастеровые...

– Заказы на изготовление саквояжей с хитростями примают ли мастеровые сродственников твоих?

– Во поры оные отказать, што товар без навару раздать! – продолжал стихотворствовать галантерейщик.

По тому же ряду навстречу Авдею направлялся фиксатый субчик с повадками мелкого уголовного типажа. Завидев отходящего от скорняка Авдея, субчик абы случайно протолкнулся мимо него, ловким движением вытащил портмоне, но смекнув, что ротозей не заметил пропажи, развернулся и окликнул:

– Ворон, идешь, считаешь, Дрын, а портуху теряешь?!

Авдей обернулся и нахмурил брови:

– Фикса? Затыря ты типичный, да стихоплёт никудышный! Не чаял бы тебя встретить, а ижно в пользу оберну...

Фикса и готов бы выказать радость от встречи знаконца, руку протянуть первым не решается. Показывает портмоне:

– Разявист ты на щипок, хоть в первых буграх на тюрьме ходил... Твоя ль портуха?

– Ощипал?.. – не особо беспокоило проверив карманы, Авдей вырвал у карманника кошель, спрятал и протянул руку к пожатию: – Гоже, наука мне впредь... Ну, да будет! Люлька на ходу – пошепчемся, коли уж свидеться довелось?

– Так вышел бы на Почаинский балчуг, я там в погребке завсегдатайствую..., – с удовольствием ответил карманник.

– На погребке добрые уши да злые языки... Делишки там мазать, што рупором трубить...

***

Посреди богато представленной гостиной дома зажиточного купца, на дальнем от входной двери краю длинного стола сервирован обед на три персоны. Готовятся к трапезе купец с женой Скородумовы Матвей Иванович и Фаина Михайловна, и их тридцатилетний сын Кирилл. Мужчины, как водится, бородачи, купчиха привлекательно пухловатая, не скованная в повадках добродушная женщина.

– Заказчик хоть мелкой, хоть гуртовой всё боле в отказы идёт... Оборот скудеет, товар дорожает, разор грядёт, – сетует Купец, подсовывая за ворот льняную салфетку.

– Што так, Матвеюшка, не в разум мне? – откликнулась жена, пока Кирилл наполнял наливочкой лафитники.

– Прижимисты люди стали, страшатся непонятности... В Петрограде власть перехватили, ново правительство низложили, толки в земском собрании, што устройство государственно порушается-те вновь! – продолжает купец, подливая сливки в плошку с горячими щами и, пробуя, громко прихлёбывает.

– Ай ба... Мало им царёва отречения? – воздыхает жена.

– Николай-те наш... впору отречённый... хоть и становой столп империи, а повадлив да более гораздый был ворон стрелять, да на подлый люд любоваться...

– Эко-ть ты... самодержца-те...

– О государе что ни сказ – всё мараёт! – отмахнул купец, отложил ложку и напоказ ужал ладонь в кулак: – А в государстве, аки в хозяйстве хозяин должён быть! Або политику вести понятную и в кулаке всея бразды владения держать! Тады бы и народец будет спокоен, и започинщик беспечен...

Купчиха аппетитно мажет масло на хлеб:

– А нам пошто́ся беспокойство примать? Масло маслиться не станет, али кашу испога-нит? Купец-те чай при всяческой власти купец – никуды без торговли?

Все приветственно подняли лафитники, выпили.

– Смута, маменька, ужо-сь докатилась, – выдохнул сын, – На Сормовских верфях беспорядки, на чалках буза, вного где ешшо непристойного! Амбалы на ярманке булгачат день со дня за подымки в ночный перегруз...

– Мало им пятиалтынника, терь к полтинничку подыми? И то на провианте! – негодует купец, – А на москатели да мануфактуре разной – рубль праздный?

– Помилуйте, так реки лёдами скуёт во дни? Образумятся, поди, за зимь... отступятся? Да и анафемы оныя...

– Большевики..., – подсказал матери Кирилл.

– Надолго ль власти удержат?

– Откель знать, маменька? Новы властники волею упрямы, забастовки устраивают! Навыдне шествие против земской управы собрали... Околотошник, што во милицию переписался, за порядок вступился, палаш по старой памяти обнажил, а анафем твой отмахнул оглоблей, хватил за шкуру да макнул челом в кобылий наём! Да не раз народишку в услужу!

– Ай ба, гликость, страсти... Околотошник не указ?

– Кой указ, коли в назём да харей напоказ?

– Благоволения ждать терь не от кого! – вступил купец, – Без купечества власть не станется, тут твоя правда, Фаина, а за финансы примутся – кого щипать во-первыя начнут?

– У кого скоплены финансы оныя, тот и щипан будет?

– Вот! Акции, участия в торгах и прочий актив уберёжём судебными тяжбами, а зримо имущество да побрякушки всяки, али барахло неоценённое – не осилим...

– Чай не грабить придут? – забеспокоилась купчиха.

– Исключать нельзя, маменька...

– Придут! – подтвердил купец, – Право слово – придут! Ощиплют донага и по миру с сумою пустят...

– Ай ба, страсти-те эки?! – запричитала купчиха.

Купец прильнул к столу и сощерился исподлобья:

– Вот и умишкаю впотай, што трудом великим да потом с кровью нажито схоронить от прещения...

– Не разумею штой-та, благоверный мой: в городе страшишься, што пограбить придут, а в поместье караваем за милу душу пожалуют? – задалась вопросом жена.

– В городе всё имущество на виду, в поместье жа земель не оймёшь и рощица своя! – щерится купец, – Коли не в дому, так поимеем прыть, где сундучок стаить?

– Богатеешь умишком, Матвеюшка! – похвалила жена.

– Не без оного, Фаина, да не хватить бы горя-горюшка от умишка! – безнадёжно помотал бородой купец и обратился к сыну: – Кирила, чай исполнил ли ты отцово поручение от второго дня? Кой представишь результат?

– Ксель полной ясности нет, отец, – сын подлил наливки из графинчика и кивнул пополнить лафитник отца.

– Подлей... Экие жа-сь принял сложности?

– По наказу твоему обошёл механические мастерские, по давнишней памяти к цеховикам Жердёвым обратился, и Авдей Семёныч отсоветовал...

– Семён Жердёв крепок был задним словом, – отставил лафитник отец, – А воспитанием сына пустительствовал... Яво Авдей золости в себе выявил, и с тою обрекается ядрицей, што без маслица во саму задницу... Жди бед откеля мысли нет!

– Дуже вздорен ты теперича, Матвей Иваныч, охолонись чутка! – укорила жена.

Кирилл, попуская хульные слова отца, достал из карманчика жилетки золотые часы на цепочке, сверил время:

– Авдей Семёныч присоветовал столярных дел мастера... Нашёл сего, пригласил к частному разговору с тобой... Ударили по рукам, должён бы уже подойти к условленному...

– Туська, чай где ты здесь? – вскрикнула купчиха.

В боковую дверь влетела молодая миловидная помощница по хозяйским делам. Скорая на руку, непоседливая и словоохотливая девка из сенной прислуги Туся.

– Здесь! Здесь я, матушка Фаина Михаллна...

– Никто к нам посейчас не запрашивал? – с ноткой беспокойства в голосе, спросила купчиха.

– Не, матушка... не слыхивала...

– Ну и не убудет! – подуспокоилась купчиха, – Подавай копчёнку, отопрелась чай уже?!

***

Авдей и Фикса вышли с рынка, сели в ожидавшую карету.

– Люлька-те гожа! Хозяйствуешь али ямная халабуда? – рассевшись и примеряясь к сидушке, оценил Фикса. Авдей постучал тростью по передней стенке, веля извозчику трогать.

– Своя... Скажи-ка, затыря, в одиночку ротозея щиплешь, али шайка-лейка на подхвате пасётся?

– Могу щипнуть, могу рвануть, а к делу стоящему и шпану кликнуть надрыва не возымею? – ответил уголовник.

– На пятом проезде у Сенной мастерские мои – ведаешь?

***

Едва захлопнулась боковая дверь, скрипнули створы двустворчатой центральной, в гостиную Скородумовых вошёл молоденький, высокий, оттого худоще нескладный, ко всему нерешительный прислужник Гаранька. Снял картуз:

– Матвей Иваныч, тамава онава... тамава чёловек прихожий постучал... Кирилу Матвейича поспрашивает... Яков Сухарев по согласию прибыл, бает...

– Зови-зови, голубчик! Да поспешай! – повелел купец.

– Вот и древоделец прибыл..., – оживился Кирилл.

Гаранька вяло нахлобучил шапку и неторопливо вышел.

– Поспешай, Гаранька! Неторопь-те в тебе экая?

Туся принесла поднос с закрытой стеклянной крышкой тарелью и большеньким керамическим горшком, поставила на стол. Своей рукою купчиха наполнила плошки мужа и сына.

В дверях вновь показался Гаранька, снял картуз, помял в руках, перебирая по челю, и безмолвно вышел вон.

– Ну-коть ты, поди ужо и позабыл, пошто ноги волочил? – усмехнулась купчиха. Спустя минуту, Гаранька снова вошёл, открыл бы рот, но не успел выдать ни звука. Следом вошёл преладно одетый мужичок из мастеровых, бородач лет пятидесяти Сухарев Яков Степанович.

– Прыток ваш... мблдец..., – сыронизировал Яков.

– Туська-те наша бойка, да старательна! – оправдалась купчиха, – А вот братец ея Гаранька и услужлив бы тожа, а потянуц... киселяй киселём! В кого бы уродилась экая обуза?

– Мире вам, хозяевá поштенные, позвольте приветствовать! – Яков снял шапку, приветственно приклонился телом, выпрямился, двумя перстами окстился на киот с ликом Спаса в красном углу и продолжил: – Гражданин Яков Степанов из Сухаревых, мастеровой древоделец, прибыл под собственным поручением Кирила Матвейича...

– Ждём, Яков Степаныч! – откликнулся Кирилл.

Древодел замаялся, безмолвно ожидая развития событий. Купец расправил плечи и величаво откинулся на спинку стула:

– Здравствуй, мастеровой! Люди мы купеческого сословия, а православной жа традиции – единоверцам приветливы... Будь ты старого обряду, гражданин, крестьянин ли – коли потчьемся в единении, то и гостя призовём к столу...

– Покорно благодарствую за милость вашу... Матвей?

– Иваныч..., – подсказал Кирилл.

– Благодарствую Матвей Иваныч... Чай дозволю ужо сына сваво Михея кликнуть? Ученик и первый жа мой подмастерье... Хотя и сам ужо дюже умел и рещик искусный...

– Помилуй, Яков Сухарев! С сыном пришёл, с сыном проходи... Наливочки опробуйте для аппетиту и частной беседы...

– Добро, Матвей Иваныч, благодарствую...

Яков приклонился и вышел. Купчиха распорядилась:

– Туська, здеса ли? Поднеси, што гостям потреба!

***

К застолью Скородумовых присоединились Сухарев отец с молодым и наповид просто-ватым сыном Михеем. Туся суетится вокруг стола, меняет посуду, косится и милой улыбкой приветчает привлекательного парня – Михей щурится в ответ, так же приветчая её и выказывая ответную симпатию.

– Причастимся, поштенные!

Матвей поднял лафитник, присутствующие поддержали, Михею пришлось привстать. Выпили и принялись к закускам.

– Сладка хозяйская наливочка, а чаялось с горчинкой на губу ляжет? – похвалит Яков.

– Наливочка для дела пользы, а не дури напоказ! – всем своим видом купец показывает милость пришедшим.

– И верно, Матвей Иванович, дело во-первыя! – согласился Яков и отложил вилку.

– Чай не осрами хозяев, добрый человек! – возмутилась купчиха, своею рукою подложила в гостевые плошки кушанья, двинула ближе соусницу, – Дело вторья, во-первыя кушайте копоченья пороса молочного, да вот под бешамельку свежую...

– Соглашусь и с вами, матушка... Работник познаётся в обеде, а человек во пьяном бреде! – зарумянился Яков.

– Давно ли столярничаете с Михеем Яковличем, искусны ли в труде своём? – купец обратил внимание к сыну Якова.

– Михей мой сызмальства в подмастерьях, а самый я почитался мастеровым уже на Всероссийской выставке девяносто шестого года... В составе артели предоставлял витражный ряд под сортамент товарищества Эйнема!

– Белоблёсы витрины в Художественном отделе, кои ж похвалила Ея Высочества императрица Александра Фёдоровна, чай твоих рук изделие? – удивилась купчиха.

– Эко-ть, память ваша! – возгордился Яков, – Моих да в числе прочих древодельцев! Ешшо к старшому Жердёву Семёну в те поры подряжался...

– Семён слова человек, а Авдей не в отца прохиндей..., – достаточно слышно пробормотал купец.

– Окстись, старый, людей-те хулить почём зря! – осадила мужа купчиха и хитро сощурилась: – Али тайностью ведаешь, коя нам недоступна? Так открой?

– Уймись, Фаина! Непочасно чужи кости мыть!

– Чай не обидели за эко искусство? – отвлёк Кирилл.

– Эко-ть, праведна ваша! – ответил Яков, – Благоугодно жалован вензельной грамотой Его Величества государя Николая Вторья, денежным вспоможением да аттестатом мастера-древodelа под скреплённой сургучом печатью...

– Ну, Яков Сухарев, раз ты мастер грамотный, рекомендации гласишь превосходные, посему примай заказ на подряд! – перешёл к делу купец, – Замыслил я отправить в лысковско имение кое-како имущество. И не составило бы сие труда, будь то скрыни с гуньём... Их даже Гаранька соберёт и справит...

– Гаранька-те наш соберётся... аки медведь на пляску... к Посту Великому, – подхихикнула купчиха, вызвав у Сухаревых лёгкие усмешки и успокоение.

– Сего лета представилось мне выкупить кузовной фаят мбиль в плачевном, иного не внять, состоянии, – продолжил купец, – Движитель и оныя... аки ея?

Купец щёлкнул пальцами, чтобы Кирилл ему напомнил.

– Трансмиссия...

– Вот-вот... Восстановили и поставили колёса, а кузовок поистрёпан до дыр... Надо-те козырёк для шоферу возвести, и в кузовок не особо кудряву фургону приладить, а главное, што с твёрдого древа! Возьмётесь?

– Изначала грузовой автомобиль FIAT 15 Тег..., – давая отцу договорить, горделиво сообщил Кирилл.

– С мбилем доселе дела не имели, вяще с дилижанцами, но знаю одно, Матвей Иванович: што сделано руками, руками же починке подлежит! – согласился Яков.

– Разумно баешь! Так берётесь за нашу фаяту?

– Што по дереву, от нас противу не имеет! Иждивение на подряд али за придатком? – уточнил Яков.

– Мастерить будете на моём хозяйстве... Верстаки, лиственница, дуб, тес кедра али иной твёрдости будут в достатке...

– Червонец золотом на подъём, ешшо три ассигнациями к представлению изделия..., – сообщил Кирилл.

– Щедрый премион... На том и по рукам ударим! – чуток помедлив, довольно кивнув сыну, согласился Яков.

– И вот ешшо..., – дополнил купец, – Зима на носу, под обильные снега скумекайте полозки пошире на колёса, коли фаяту оную приключится упряжью волочить...

***

Покидая дом Скородумовых, Михай Сухарев столкнулся в коридоре с Тусей, от неожиданности зарумянившейся.

– Смею ли я, милая Туся, надеяться свидеться с вами в ином антураже? – нашёлся Михай.

– Надежды грехом не станут..., – смутилась девушка.

– А што как исполню подряд, да и осмелюсь пригласить вас на увеселительный променад? – осмелел Михай.

– Делу время, Михай Яковлевич, да и потехе час!

Барышня раскраснелась и поспешно скрылась по делам.

***

Сухаревы вышли из дворика купеческого дома, Гаранька закрыл притвор. Едва за ворота, Яков придержал сына.

– Разрази меня Господь! Почайна мне мыслишка, Михай, што над затеей сей хитрая роздумь витает?

– В чём же хитрость, отец? Подъёмны выдали, древесна на выборку всякие, а на месте и под пядь примеримся?

– Лопни моя голова, дельце-те наугад плёвое... червонец под него без лихвы с дорогой душой!

– Плёвое, а плотют... Чай не вижу причин отпираться?

– Пуцай так. Охулки в руку не покласть, да три червонца не напасть! – соглашается отец, – Куды прибыть, запомнил?

– Чай што гадать? Скородумовские лабазы на ярманке...

– Дай-ка доедем, озерцаем, как нонче хозяйство купеческое предстаёт. А под оказию и в ренсковый погребок к Михайлу Андрееву заглянуть ввечеру греха не выйдет...

Сухаревы запрыгнули в проезжавшую мимо пролётку.

***

Нижегородская ярмарка, а в нижегородском выговоре не иначе как ярманка – явление уникальное. Бесчисленные ряды промысловых и мануфактурных лабазов, торговых рядов, гостиниц, доходных домов или бедняцких приютов. От шантанов и ресторанов, цирков, каруселей и прочих различных увеселительных заведений голова шла кругом. Основная масса торгов свершалась в две летние недели, когда только спадало вешнее половодье. К тому времени сюда сволакивался товар не только со всей империи, но и многих стран Европы и Азии. Подрядная же суэта продолжалась вплоть до зимнего ледостава.

Хозяйственный двор купца Скородумова представлял собой длинный лабаз, состоящий из складских отделений, с виду потому был огромен. Несколько входов, в середине двустворные основные ворота, коими заведовал ключник Софрон.

Сняв замки и разведя оба створа, Софрон пустил в складское помещение отцов и сыновей Скородумовых и Сухаревых. Вперёд их на склад проник луч света, осветив укладки досок, бухты канатов разной толщины, стеллажи с тюками, сундуки и ящики с разным товаром. Напротив входа стоял остов грузового автомобиля FIAT. На раме мотор с поднятым кожухом, за сиденьем водителя остатки кузова. Брезент валялся рядом.

– Софроха, отворяй шире, фаяту развидеть бы надоба! – скомандовал Скородумов старший, – Да поди возницу встретить, газолину бочку вспомози поднести...

Софрон ушёл. Вошедшие обступили FIAT, Яков прошёл к остаткам кузова вперёд. Кирилл зашарил по карманам, достал бумажный свёрток и развернул напоказ от руки, но достаточно броский рисунок предполагаемого вида фургона.

– Яков Степаныч, способности мои к наглядному начертанию требуют пущей натуги, – оправдался Кирилл, – Созерцайте прорись, коя под собственной рукою свилась...

– Добро, што снятые детали кузовка не пожгли, не порубили... Вымерять будет с чего, – отозвался Яков, рассматривая остатки изделия, после чего подошёл к остальным: – Сложности особой нет, Матвей Иванович... Забот неделю-две, скажу прямо, а посему хитрость вашу к столь щедрой ссуде умом нейму?

– Прозорливо подметил, Яков Степаныч, а хитрость есть! А владеть ею будем мы с вами..., – купец огляделся, убедился, что лишних ушей нет, – И всея-навсе!

Глава II

В захолустном питейном заведении низового уровня дым коромыслом. Взачасто сюда наведывались разномастные урки, чтобы подсмотреть ротозея из того среза общества, кое можно было щипнуть практически без последствий. До недавних пор которое звалось бесчинцами и неудельными батраками, сейчас приращённое обедневшими рабочими и беглецами с фронта.

Шум, гам, пьяные крики и выходки лишнего хлебнувших. Народу не протолкнуться, свободных мест нет даже у ростовых столиков. Кто беднее грошем, налегают на солодуху, вприкусь посасывают сушёную воблу, дешёвую или бесплатно подаваемую к каждому третьему жбану. За отдельным присядным столом попивают водку из графинчика и щедро закусывают Яков Сухарев, плечистый кузнец Ероха и двое горожан.

– Нечастен ты здесь гость, Яков Степаныч? – опрокинув в рот лафитник, выдыхает горожанин старше, – В прибытках, усекаю, коли водкой угощаешь, да и на закусь не скуперда?

– Нечастый... И сим часом причинно зашёл, потому как к кузнецу Ерофею дельце прибыльно имею...

– Причина на погребке обышна: штобы лишний грошик карман не тянул..., – сыронизировал горожанин помладше.

– Спорить нету воли, коли грошик не набил мозолей!

– Даже набивши не одну мозоль, а залить за воротник на десятинку – всегда в услуду! – поправил первый.

– Кого с десятинки, другого и с двух не берёт! – очередной раз разливает водку по лафитникам Ероха.

– Ты, Ероха, кузнец удельный, – Яков прикрыл ладонью свой лафитник, – Чай по твою душу я здесь... Возьмёшься ли за необычную ковань?

– Кузнец жалеза не чурается... Сам же с мастеровых, Яков Степаныч – отношение усекаешь? – держит графин Ероха.

– С мастеровых..., – отнял ладонь от лафитника Яков, – Кузовок, полозки зимни да три багажных скрыни надо-те оковать... Не фигурной ковкой, а скоро и поперёк прочих дел...

– Кузовок-то, поди, для саней – большенький?

– Кузовок к грузомобилю филят, фаят ли... Внимай топерь к чёму я? – сощурился Яков. Фиксатый субчик Фикса, фривольно балаганивший за соседним столом с такими же по виду уголовниками, притих и на слова Якова наострил уши.

– Вон ты к чёму ряд ведёшь... Жалезный прокат сойдёт к скреплению эдака изделия, ежели завитки непотребны?

– Заказным под сей труд купец Скородумов... Велел таку работу сделать, абы конструкция осталась крепка и не рушима от дорожных ухабов...

– Дело тады нехитрое... Окую уголья да проклепаю в локоть отступа... Сколь подымешь за таку плёву работёнку?

– Цену сбиваешь опрометчивым словом, Ероха? – заметил горожанин помладше.

– Не хули дело, докуда молва не поспела! – учит второй.

– Чай не обидишь приварком за простоту мою, Яков Степаныч? – заверился Ероха

– Не обижу... Успеешь ли в три дня? Скородумов обещал оплату достойную и денежный расчёт вовремя...

***

За столом конторского помещения механо-столярных мастерских занимается бумажной рутиной Авдей. По мастерским в помещение к нему проходят Фикса и такой же с виду уголовник Сизый. Завидев их, Авдей спрятал бумаги в ящик стола.

- Метнулись по тебе, Дрын, а он канцелярией укрылся?
Авдей не особо охотно, но поручался с обоими.
- Пошто пришли, урканы залётные?
- Купца Скородумова знаешь, поди? – спросил Фикса.
- Мускусные торги... Отец мой Матвея в приятелях имел, я с Кирилой его маломальски знаюсь... Про коего спрос?
- А шут-те знает? Навострил ухо на мужицкий сговор...
- Авдей набивает табаком трубку и раскуривает.
- На вдоволь прибыльный?
- Сам отмерь... Старый столяр, из твоих, похож, выпытывал кузнеца оковать барабаны багажные..., – ответил Фикса.
- Авдей затянулся и, помедлив, пыхнул дымком:
- Второго дня Кирила искал древодела поручного, Сухарева ему отсоветовал... Сладили, получается?
- Да не торгуют мускусом с рундуков? – заметил Фикса.
- А на кой товар надоба? – добавил подозрений Сизый.
- Гадай не гадай... Слышали, переворот в Петрограде? – откинулся на спинку стула Авдей.
- Нам што... до переворотов оных?
- Экие вы! Купчишки нонче шепчутся, как схоронить от мужицкой власти нажитое... А Скородумов наперёд всех чует!
- Драпать намеряет? – домыслил Фикса, – На мобиле... Молва шла за кузовок... жалезом оковать потуже...
- От-жась, на мобиле? – мотнул бородой Авдей, – Дёру намеряет дать, старый скупердяй?
- Коли так, Дрын, спускать нельзя! – поддержал Фикса – Подкараулить бы у большака на подлеске да награть разом – такого куша нам ешшо не падало?
- На ходу прижмём! – Авдей выбил пепел из трубки и зыркнул на сообщников: – Фикса, ты на стрёмку... Зри каждый шаг старшего Матвея... А ты, Сизый, шпану повернее на скачок мажай... И штобы тверёзыми ждали до часу верного...
- Сообщники перечить не стали, а по всему было видно, что даже обрадовались. Когда они ушли, Авдей пробормотал:
- Времена нонче надломные... Пора бы по-крупному щипать, а устрашение богатеям нововластники обеспечат...
- ***
- Морозным вечером до ворот дома Скородумова подошёл Михей Сухарев. Торкнул – притор запёртый. В нерешительности помялся, постучал кулаком. Створ открыл Гаранька.
- Здрав будь, Герасим! Чай позови Тусю выйти к беседе не прилюдной... Наведай, Михей Сухарев кланяется...
- Гаранька ничего не ответил, закрыл. Михей стоит, не понимает ждать ли, постучаться ли вновь? Через некоторое время выходит Туся, запахивая пальтишко и повязывая шаль.
- Поштение моё, сударыня! – снял шапку Михей.
- Здравствуй, сударь, коль не шутишь! Не сымай шапку-те, застынешь же? – с толикой кокетства ответила Туся.
- Не застыну... Привыкши мы...
- А я было надумала, не расхрабришься вовсе?
- Наперёд решил бы, да заказик крайне натужный выдался... Денно и ночью с прифуговки не отшагивал...
- Знаю-знаю, тем и тешилась! – затараторила Туся, – Назавтра матушка наказала сборы, всем семейством хозяева отъезжать намеряются... До вчёра-се не тужились, а надясь обмол-

вился Кирила, што новы властники приходили... Складское имущество описали... Толки, оты-мать, поди, будут? Полохонула матушка, тюков на две подводы навязала... Што деется...

– А как жа ты? С собою увезут? – забеспокоился Михей.

– Не... Матушка бает: всякой тати пуста изба кстати! Ижным отбывку дала да рублём одарила, а нас с Гараней да Демида дворника оставила за покоями стеречь...

– И то отрада! – обрадовался Михей, – Чай не откажи в неприсутственный день присо-единиться к карусельным катаниям на Самокатной площади?

– Тады и циркову арену братьев Никитиных посетим-те? Дюже похваляют люди пёсиков потешных? Пудельки на задних лапах ходют там, и через огненны кольца прыгают... Одним бы глазком глянуть на эку умору...

– На ярмашну сторону сойди, увеселения там всяческие в избытке! Пуделями поте-шимся, и калашный ряд не миную!

– Тем и буде, подходи опосля утренней литургии! Удержатъ меня теръ и прикащику не властно..., – крепко пожав руки молодого человека, Туся юркнула в дверь.

***

Вечереет, сыплет снег. По безлюдной городской улочке, освещённой тусклыми фона-рями, бредёт пьяненький Яков. Его нагнал закрытый экипаж, выскочили Сизый с Фиксой, схва-тили и затолкали внутрь. Извозчик подстегнул кобылу и экипаж скрылся в первом же тёмном переулке.

– Кто вы такие и на кой ляд я вам? – успел вскрикнуть Яков, но в тот же миг получил удар в поддых.

– Кто мы – тебе ни к чему!

– Ежали денег... и рубля не наберу? – откашлялся Яков.

– Лавье на опосля... Открой-ка нам, што ведаешь о купце Скородумове? – Фикса прижал Якова, поднёс к его горлу нож.

– Чай ничего не знай... Оне птица не маво полёту...

– Подо што барабаны клепал? – напирает Сизый.

– Экие жа барабаны? Не было оног...

– Сундуки дорожные клепал? – выдал Фикса.

– Откель жа знать-те? Труд мой столярный, а в тайности посвящаться и непошто? Под-рядился – сделал, и вся недолга...

– Ишь, не знай он ничего! Выкладывай, што промеж заказу молвлено! – Сизый тоже достал нож, подоткнул к горлу Якова. В полном испуге столяр запричитал, что на язык легло:

– Чай што? Барахлишко свезти в лысковско имение, художества всяки, посуду серебряну али золотишко мал-мала?

– В лысковское, баешь? – задумался Фикса.

По всей видимости, умерщвлённый Яков был вывален из экипажа в тёмном переулке.

***

Во двореке дома Скородумовых возле бокового входа для прислуги стоит грузовой авто-мобиль: кузовок из толстого морёного дерева окован для усиления стальной лентой, а поверху приспособлен фургончик из крашеной вагонки. Несмотря на студёную зиму, кабина в силу тех времён открытая: под нависающим козырьком различима рулевая колонка и двойное сиденье в виде деревянной лавки для шофера с пассажиром.

Под руководством Кирилла идёт погрузка в фургон. Пока два подсобника втаскивают большие окованные сундуки, купчиха прикрикивает на Тоську с помощницей, сволакивающих из особняка тюки и складывающих их возле колёс грузовика.

– Суетятся купчишки, скоро в дорогу сорвутся, по всему?

Фикса, подглядывавший через щель приоткрытых ворот, сплюнул по-жигански, и в тот же миг запрыгнул в экипаж.

***

Сумерки. Шумно выюжит снежная позёмка. Средь всхолмлений по заснеженному большаку катит скородумовская карета в упряжи из двух лошадей. На отдалении впереди стрекочет грузовичок FIAT. Шофёр Гордей в ватных крагах, овчинном тулупе, утеплённом кожаном шлемафоне и круглых герметичных очках. Рядом кутается в меховой шубе Кирилл Скородумов.

– Не зябко тебе, Кирила Матвейч?

– Зяби не чую, а в кювету вывалиться опасаясь...

– Жмись ближе и хватись крепше... Грабиловку огинули, а тут до Кстова верста с два перста... Не успеешь оглянуться, уж и Лыскова будет...

Кирилл вцепился в какой-то рычаг и крепко держится.

– И помысла не было, што поездка на эком тарантасе так утомительна... Надо-те было к родителям подсесть...

– Сидушки бы хоть сенные припасти, тады и черёсла поберегли..., – подсмеивается Гордей.

– Не привыкший я к оным диверсиям...

– А я попривыкший... Два годка отшоферил при артбригаде, а по ранению прошлой осенью отписан от службы...

– Награды чай имешь?

– Медали «За отличну мобилизацию» имею и Георгиевку четвёртой степени «За храбрость»! – возгордился шофёр.

– А я и не слыхивал, што ты у нас герой...

***

Откуда-то сзади послышался звон бубенцов. Шофёр стал притормаживать и подруливать грузовик к обочине.

– Што насторожился, герой? – заметил Кирилл.

– Слышь, бубенцы... прыткостью гонют? Правило такое к большой дороге предписано, дилижанец государевой спецпошты треба пропускать, удаляясь на край шоссе!

– Треба – пропускай! Да только нет давно государя-то?

– Государя нет, а табелю дорожного движения перечить не должно... В государстве раздрай, хай тут порядку быть!

***

Обогнавший процессию дилижанс резко принял в сторону грузовика, и прижал до полной остановки. На дорогу выскочили вооружённые наганами Фикса, Сизый и за ними трое других налётчиков. Окружили грузовик.

Сзади в малое удаление подкатила карета Скородумовых, в которой сопровождали грузовик купец с женой.

– Што за оказия, Матвеюшка?

Матвей раздвинул шторку, выглянул в окно:

– Дилижанец поштовый... Пойти справиться надо-те...

Матвей с Фаиной вышли из кареты и направились к грузовику, не ведая о поджидавшей опасности. Их ямщик завидел наганы в руках налётчиков, и быстро спрятался под облучок.

Кирилл в эту минуту спустился с подножки и бесстрашно вышел вперёд грузовичка:

– Кто вы? За кою надобой дорогу прибрали?

– Фикса, к чему спрашивать кто мы, если явственность в битках? – помахивая наганом, съехидничал Сизый.

– Всё-то им разложь да под нос положь? А как не по нраву станется? – поддержал сообщника Фикса

Кирилл сообразил что к чему, ловко выхватил из-под шубы свой наган и выстрелил в ближнего к нему бандита. Фаина заблуждалась. Среагировав, бандиты открыли ответную пальбу, а спустя мгновение все трое Скородумовых лежали на земле.

Подстреленный бандит вопил и корчился от боли в брюшине. Из дилижанса вышел вооружённый наганом главарь, подошёл к Матвею, тот открыл глаза, узнал в главаре Авдея Жердёва, потянул к нему руку и прохрипел:

– Авдей... прохиндей...

– Напрасно твой Кирила геройствовать взялся... Пожили бы ещё во власть..., – Авдей выстрелил купцу в грудь, не моргнув и глазом. Затем отошёл к раненому подельнику, посмотрел на его мучения, сплюнул злобно, и тоже добил выстрелом.

– Остальных проверьте и возницу не забудьте, если сам свою душу не испустил от страха...

Послышались выстрелы, ямщик где-то сзади залепетал о пощаде, но после глухого хлопка тоже затих. Шофер грузовика закрыл глаза и вжал голову в плечи. Авдей ткнул его тростью:

– Торопишься жизни лишиться?

– Так... рано бы ещё помирать? – обрётся Гордей.

Авдей призывающе постучал тростью по фургончику:

– Добро купеческое отгонишь нам до Кстова, а там гуляй как вольный ветер в поле...

– До Кстова верста два перста! – осмелел шофер.

В фургончике грузовика дрожал подсобник Скородумовых, до поры сидевший тихо, но случайно давший о себе знать, видимо с испуга что-то задев. Главарь ткнул шофера тростью:

– Там есть кто?

Гордей вытянул указательный палец. Фикса с Сизым подошли к дверке, Авдей повторно стукнул по фургону:

– Жить хошь, человек, выходи сюды тише ветра...

Подсобник открыл дверку, Сизый выстрелил без лишних слов. Обыскав мертвецов, бандиты содрали со всех всё ценное, стащили шубы. Убиенных покидали в кювет.

В кабину к шоферу подсел Фикса, ткнул стволом в рёбра:

– Двигай, дядя, за бубенцами!

Первым покати дилижанс, затем грузовик, в замыкании обоза карета Скородумовых.

Глава

III

На сходе в отдельном помещении какого-то шалмана пирует случайная шайка Дрына. Уже изрядно пьяные, прозвища на любой лад: Дрын, Фикса, Сизый, Мыта, Щерба, Хлыст...

– Вот ты, Дрын, дружка свояво жа пошто прикончил? – обиженно укоряет Фикса, – Может, отудобел бы парняга, а ты, не жалея, жахаешь...

Авдей прихлопнул Фиксе по желваку:

– Суди трезво, пьянь шалманная... Отудобел, нет ли – куды нам с обузой? В лазарет, так сразу всех подпишут, а там и до каторги дорожку наведут? Мне иное душу тянет...

– Есть ли у нас души-то? – вздохнул Фикса.

– Каки есть, пушай и очерствелые, – не поддался Авдей, – Бездушно было бросить его на дороге издыхать... Мне покоя не даёт иное: целен фургон усадебной да бабьей дряни, а самое стоящее из того – что? Посуда серебряная?

– А парча, шелка, меха два барабана – не ходовой товар? Одна люлька выжмет зриму монету? – перечислил Фикса.

– Парчу и шелка, прочее барахло легко в оборот пушу... В неделю избавлюсь..., – встрял Сизый.

– Да и с мехами залома не будет... Мы со Щербой метнёмся по Сибирским пристаням да скинем..., – поддержал Мыта.

– Трёп всё это..., – не согласился Хлыст, извозчик банды, – Шкурки к малахаям приторочены, посему бабаёв подряжать придётся... А люльку сам найду... кому в цену скинуть...

– Щепетом займитесь – барабаны полны оной дряни..., – повелительно цыкнул Авдей, – Не о том баю! Мортуйте: купец добро хоронит, сорвался аж на грузовике, а желтухи бы с собою шиш да маленько? Лишь подсолнухи с жилетки Кирила?

– Всё обрыскали, Дрын, сам же подле был?

– Желтуха должна была быть в обозе всяко..., – стоит на своём Авдей, – Рундук али мошна неброская, а всяко? Не обманной же манёвр с грузовиком затеяли?

– А кого страшиться, ежели сборы их в тайности шли? – спорит Фикса, – Не распусти я уши на шалмане, и неведомёк бы на чужие плутни?

– Шоферишку вот жаль упустили, драпанул по недогляду, сволочь... Может, открыл бы што? – обмяк главарь.

– Коли пустились без желтухи, побоялись все ценности в одном обозе тащить, так получается? – рассудил извозчик.

– Люлька пустая, кладь в фургоне заложена..., – мыслит вслух главарь, – А желтуха, стало быть, оставлена на ужотко? Особняк ихний надо обрыскать!

– Тянуть тады нельзя! – оживился Сизый, – Купчишки под снегом лежат, до весны не сыскать, а не добрались докуды надо – быстро трезвон покатится?

– И распнут нас, коли пымают, без судебной приправки..., – поддержал Фикса. Авдей снова цыкнул и ударил по столу:

– Хай гульбанить! С утра возвернёмся в Нижегород, дом скородумовский поедем щупать! Чую, желтуха прятана там...

***

Морозным солнечным днём до ворот особняка Скородумова подкатил экипаж, из него сошёл Михай Сухарев. Хотел постучать, выходит Туся с корзиной, натывается на Михея.

– Што ж ты, Михай Яковлев, жанихался ешшо в пятницу, а к назначенному не пришёл? А я принаряжалась почём зря? – с нотками девичьей обиды съязвила девушка.

– Звиняй меня, Туся... Обещал я тебе увеселения карусельные, а вышло, што прибыл звать отобедать поминально..., – потупил взгляд Михей.

Туся аж оторопела:

– Лицо с тебя как спало, што стряслось?

– Третьего дня погубили отца моего! В ту же пятницу...

– Ай ба, што деется... Бяда-те эка случилась, – запричитала девушка.

– Чаяли, закутил, хотя и не водилось энова, а позаутрени просвирня нашептала, нашли-де в Започаинье мертвеца...

– Ай ба... бяда эка...

– На полицейской канцелярии ноне табличка висит «рабочия милиция», а дверь всё одно на клямке, стучи – не достучишься... Посмертну бумагу выправить некому...

– В церковной книге метрика останется, аки образуется, и свидетельству выправишь чин по чину?

– Так и мыслю... Отца отпели и в могилку уже положили, помянуть собираются, а я карету подрядил по твою персону...

– Да кто я тебе? Сошти, никто – мельком знакомица?

– Не гони, Туся, не шуткой по тебе думаю... Полюбилась ты мне с первого взгляда. Наскоро прочил родителям представить, да и сватов к Рождеству засылать, а вышло вона как...

– Скорый кой... Ну, обожди – скорби в одеждах приму...

Туся торопливо скрылась за дверь, задышала неровно, покраснелась, перекрестилась и, шепча, пустила слезу:

– Чай не бывает так, Господи! Сердце кровью льётся, а не отступить уже...

***

Экипаж с Михеем и Тусей сворачивает на перекрёстке, в момент к воротам дома Скоро-думовых подкатывает экипаж. Бандиты Дрына спешиваются и проникают во двор.

– Фикса, во-первой зри крыльцо, остальные метнитесь по двору, и не шуметь до шухеру..., – прикрикивает главарь.

Фикса с пистолетом в руке подбежал к крыльцу. Демид – среднего возраста дворник – вышел из-за крыльца и, не завидя других налётчиков, замахнулся на Фиксу лопатой:

– А ну, скинь оружию наземь, клять бандитская!

Вместо чтобы пальнуть, Фикса вскинул руки над головой, ожидая удара, и присел. От повиновения бандита дворник замешкался, в момент к нему подскочил Сизый и тыкнул ножом под рёбра. Демид тут же осел и слёг возле крыльца.

– В покоях кого встретите – не пырять до поры! – цыкнул главарь, – Про хозяйские тайники разузнать надо...

***

Древоделы Сухаревы имели комбинированный дом, фасадом выходящий на улицу. В каменном цоколе держали собственную столярку, сами обретались на добротном срубленном втором этаже. Дом был обнесён высоким кирпичным забором, имел закрытый дворик со створовыми воротами под аркой.

На улице немногочисленно, возле ворот недлинная очередь нищих к двум справно одетым мужикам. Мужики разливают из бочонков в свою и принесённую посуду квас, кому сбить, из лотка раздают пирожки и иную выпечку.

– Помяните Якова Степаныча добрым словом...

– Добрый был человек... От вечныя муки избави его, Господи! – благодарят поминающие.

– Безвременно покинул нас, не по своей воле!

– А руки-те экие имел Яков Степанович?

– Прости яму Боже и помилуй!

Лоток скоро пустеет, из калитки створа ворот появляется женщина и восполняет выпечкой. Получив поминальные яства, нищие уносят их с собой, а многие тут же кушают и выпивают, крестясь и поминая Сухарева Якова Степановича.

Михей и Туся подъехали к дому, отпустили экипаж.

– Проходите, Михей... и зазноба твоя...

Горница дома Сухаревых представляла ухоженной, обставлена была резной мебелью. Посередине длинный составной стол под скатертью, почти упиравшийся в высокий комод. На комод перед иконой с ликом Спаса коптит лампадка. Рядом стоит фотокарточка Якова Сухарева за вензельной рамкой.

Поминальную обедню обслуживали сёстры Михея, молодые девушки Анна и Алёна. Копошились вокруг поминающих, подавали яства, меняли плошки. За столом человек пятнадцать разных возрастов кушают и поминают.

Молодые люди заняли места ближе к родственникам.

– Девицы, што вокруг стола суетятся, прислуга ваша? – шепнула Туся.

– Што ты? Чай не до жиру, – усмехнулся Михей, – Древоделы мы не из прытко зажиточных... Весь капиталец в руках, маменька экономкой служит в прибыльном доме... Сёстры то... родные... Осанистая – Лёнка, а погузастее, так то Нюшка...

– Вот не знай! Пойду ли, помогу?

– Обожди... Отобедают люди, там вызовись, коли хошь...

– Позналось мне, отец твой старого обряду, а по вашему дому да одёжкам, ладно тачанным, и не скажешь?

– Дед Степан, бают, строг в своей вере был... После смерти яво, младых отца с братьями в городе прижили, а единоверцам тут послабления позволительны... Сёстры мои так вопще церкву щёпотников посещают...

– Да и самоё я щёпотью окщажусь?

– По мне так нет противности... Из молитв только и знаю Отче наш... Я по дереву мастерю, в доме многое с моей руки...

– Пригоже..., – похвалила Туся, – Лет-то те сколь?

– Двадцать пошти...

***

Прихожие люди поминают Якова Степановича простыми словами, набожные – словами зауспокойного тропаря.

– Безвременно почил наш Яков Степаныч... Упокой Господи душу усопшаго!

– Умелец и широкой души был добрый человек... Вечныя муки избави!

– От дела не бежал и в помощи величал...

– Прости его Человеколюбец Бог и помилуй!

– Аки жа можно человека погубить?

– И убиенным погребение и поминание дблжно...

– Безвременно, безвременно почил... царствию небесному покойного учини!

– И душе яво полезныя сотвори!

– Изловили чай душегубов-те? – некто с дальнего края.

– Посейчас и узнать не у кого..., – ответил Михей, – Куды не притязай, повсея али не ведают, али нет ни души...

– Бяда экая...

– Ну, Евдокия и сродники, скорбим с вами! – поднялся с места бородатый мужичок, – Якова Степаныча, спаси Господи, славно помянули, пора и званым честь признать!

Евдокия – мать Михея – поднялась и поблагодарила:

– Помилуйте и вам, люди добры!

Поминающие разошлись, отбивая поклоны на выходе. За столом остались только сродники: Туся и Михей, мать Михея Евдокия Филипповна, бородатые дядя Андрей и Михаил Степановичи, их жёны Феона Ивановна, Апполинария Ильинична.

– Из чьих барышня будет? – наконец, нашла паузу мать и кивнула на девушку.

– Туся оная, – начал Михей, девушка спешно отвела от неудобного расспроса, понимая, что парень мало что знает:

– Таисия Акифиева из Заломовых! Хотя осталось нас на белом свете, посчитай, я да Гаранька, братец младшой... Лямой мальчика, а парняга душевный...

– Родители аки жа? – погладил бороду дядька Андрей.

– Отец чай в лесах сгинул..., – затараторила девушка, – Люди баяли косматый заломал... Маменька и скорби годинной не пережила как усопла... Тётка взялась опекать, да в тот же год преставилась, тады и продали нас в услужение...

– Заломал медведь Заломова? – заметил дядька Михаил и посетовал: – Хватили лиха, стало быть?

– Чай не младенцы по ту пору были, едино держались..., – ответила Туся и поджалась к Михею.

– Вижу, Полюшка, поладят они? – шепнула тётка Феона сидящей рядом Апполинарии.

– Далече зришь... Да не к часу баять о том...

– А лета тебе коя, барышня? – вступилась Евдокия.

– Осьмнадцатый, а Гаране шоснадцать, – ответила девушка и еле слышно шепнула Михею: – Не испужает? Обнадёжил – не отрекай?

– Што ты, Тусенька, и в мыслях не имел..., – шепнул ей Михей, и осадил тётку: – Тётушки, буде вам пустословить!

– Пожалуй, пойду-ка! – неожиданно встала девушка, – Покамест косточки мои добела промоют, Лёнке с Нюшей помогу... Умаялись вдвоём, поди, всю обедню на кутье...

Туся ушла на кухню помогать сёстрам Михея.

– Ох, бойка зазноба... и разумлива! – Евдокия взяла сына за руку, – Протіву от меня не будет...

– Давно ли ладите? – прищурилась Феона.

– С неприятя да без ладу не повёл бы в дом... Жаль, отцу открыться не вышло..., – отрёк Михей.

– Ну да... Терь уж и не выйдет..., – охолодилась Феона.

***

Едва договорила, тётки успели поохать, в дверь заглянул один из отобедавших бородачей, окинул всех взглядом и как-то виновато обратился к Евдокии Филипповне:

– У ворот ваших Свишка притулился, причитает чаво-та! Пригласить бы, помянуть Якова Степаньча? Грешно эким днём убогих отваживать?

– Как жа, чай как жа не приветить-те? – вострепнулась мать, – Михей, поди-ка выйди на дворок, кликни Блаженного... Яков наш близко Свишку привечал...

Своею рукой отворив перед нищим дверь, Михей привёл бородача в лохмотьях, истрёпанных башмаках, с кривым подогом в руке – Свишку Блаженного. Стол был уже прибран, но загузастая Анна с кутьёй и квасом стояла наготове.

– Свишка, сердешный, что жа до ворот-те дошёл, а в дом нейдёшь? Али обидели чем? – приподнялась со стула Евдокия. Остальные развернулись на Свишку и затихли.

– Незвань на дом – держись за кром! – скрипучим голосом оправдался блаженный.

– Што ты, сердешный, кое неверие?

Свишка тронул лоб наверху подого, приклонился, отставил подог к стене, и стоит в ожидании приглашения к столу:

– С поклоном вам, люди добры...

- Здрав будь, Свирид! – откликнулись дядя.
- Здравствуй, Свиша! – поддержали тётки.
- Пойди к столу, помянуй Якова кутьёй да квасицем..., – предложила Евдокия, Анна поставила на дальний конец стола поминальные блюда, – А хошь, и покрепше чем?
- Свишка сел, но демонстративно всё отодвинул:
- Чур меня... Мнимое Свишке без хмельного открыто...
- Не чурайся, Блаженный... Помянуй скоромно...
- Поминати надо-те мыслею доброю... До девятины душа убиенного за вас прещатися, до сорочины во снах являтися..., – отнекался Свишка и зыркнул на Тусю: – Поднеси мне, молодіца, мурцовки плошку, да сбитеньку малёшку...
- Обождёшь чуток, так покрошу на скору руку? – упредила Туся и увлекла за собою на кухню Анну.
- А напредкі, люди добры, навещаю терзания смутные..., – Свишка вкатил глаза под лоб, вогнав всех присутствующих в оторопь, – Годы грядут лихие, голодные... Погибелью охватит землю до окіяна дальнего, брат пыдёт на брата, отец на сына... Оны отрекутся от Бога своего, ины на плаху взойдут с Его знаменіем... Многих Он призовет ране отведённого, а иным отпустит страдания во веки вечные...
- Никак война к нам докатится? – не выдержала Феона.
- Всё грядёт, война и голод, и болезнь и холод... И богаты станут нищими, и дома под пепелищами..., – молвил Свишка.
- Туся принесла плошку, поставила перед блаженным:
- Лячкой, сердешный, иди ли с Богом... Пужать людей не время выбрал, усопшего поминаем...
- Свишка осёкся, вернул глаза и зыркнул на хозяев:
- Род ваш, хозяева приветные, многия напасти стороной обойдут, держаться коли купно будете...
- После чего Свишка схватил за руки Алёну с Тусей, её как обдало жаром и пошатнуло, и навещал обеим:
- Те, молодіца, разлуку навещаю и скитания в чужбине... А тебе, девка, довеку тяглом стиснуться... Наперёд горюшко ты караулит изнова, опосля все беды отступят на́долго...
- Усладно, што на́долго, – Туся высвободилась, переняла у Анны бумажный куль, сунула Свишке: – Не серчай на меня, Свирид, а печево вот... с собою прихвати...
- Заёмно в экой отраде душу чаять..., – одобряя повадки девушки, сощурилась Феона.
- Сметливую девку врасплох не застанешь..., – поддержала Апполинария.

Глава IV

Поминки закончились к темени. Михей вызвался отвезти Тусю до дома, наладил экипаж. К воротам дома Скородумовых подъехали затемно. Не мерцай фонари по улице, так хоть с масляной лампой ходи, а всё одно чуть не наощупь.

– Благодарствую, до дому проводил, Мишка-Михей..., – Туся сжала руки Михея, когда они стояли перед воротами.

– Тебе спасибо, Тусенька, за помощь... Сестрицы мои да свойственницы так вопще по тебе не налюбуются...

– Полно-те, друг любезный... Привышный труд чай руки не оттянет...

– Намеряюсь скоро подойти ради прогулки в саду..., – не торопится уходить Михей, – Составь мне компанию? Али лодочки на Чёрном пруду предложить?

– А как жа скорби до сорочин?

– Не увеселения жа, а так – прогулка для восприятия?

– Тады не откажусь... а в оборот с удовольствием даже...

Туся зашла за ворота. Михей помялся, и лишь намерился сесть в экипаж, как услышал истошный крик и причитания. Вбежав во двор, Михей увидел возле крыльца охающую Тусю, склонившуюся над мёртвым телом дворника. Тот лежал в крови, насочившейся из подрёберной ножевой раны.

Михей подошёл быстрым шагом, девушка поднялась на ноги и прильнула к его груди, но вмиг отпрянула:

– Господи, а Гаранька-то мой где жа?

– В доме надо бы глянуть..., – выпалил Михей.

Молодые побежали в дом. В доме оказалось не так темно, как на улице. Догорали пара свечей, да и уличный фонарь под окном как-то подсвечивал пространство. В покоях Скородумовых полный беспорядок, всё перевёрнуто вверх дном. Сундуки распотрошены, шифоньерки распахнуты, содержимое комодных ящиков перерыто или вывалено на пол.

– Ай ба, гликошь, што деется? – Туся бегала по комнатам и громко охала, в одной из комнат нашла окровавленного брата Герасима, по всей видимости, заколотого ножом.

***

В парадную с табличкой «Рабочья милиція» забежал Михей и сунулся в приоткрытую дверь. В кабинете за пустым столом сидит человек – Лещёв Касьян – чистит наган.

– Милейший, как нонче людям поступать, ежли произошло убийство человека? Двух человек..., – выпалил Михей.

– Кончились нонче милейшие и всякие чинопочитания... Обращаться следует – товарищ! – шуря глаз, Лещёв посмотрел на Михея через ствол пистолета: – По коридору дверь налево, спрошай комиссара Чадаева...

***

Михей вошёл в кабинет Чадаева. За одним столом печатает на машинке элегантная, миловидная женщина лет тридцати – Зоя Аркадьевна Высоковская, за вторым мужчина лет сорока пяти комиссар Чадаев Аким Кузьмич – читает бумаги. В углу потрескивает полешками большая «голландская» печь.

– Здраве, люди добры... Вы товарищ комиссар Чадаев? – Михей снял шапку и уставился на комиссара.

– Так и есть, друг мой! Имя моё Аким Кузьмич, называть прошу товарищ Ким!..

– Случилось убийство чело... Двух человек... Я во-первыя сообщаю в рабочию милицию, або не ведаю как иныче...

– Правильно сообщаем... Представься, чьих будешь, при каких обстоятельствах обнаружены убиенные?

– Михай Яковлев из Сухаревых...

– Значит, так, Михай Яковлев, подробности расскажешь в пути..., – перебил комиссар, поднялся и наказал женщине: – Зоя Аркадьевна, мы следуем на выход... Заканчивай на сегодня с бумагами и дверь на замок... Во избежание...

– Теперь уж начеку! – не поднимая глаз, кивнула Зоя.

Чадаев и Сухарев вышли из кабинета, комиссар заглянул в комнату с чистившим наган милиционером – там было уже двое сотрудников – Лещёв и Елсук Крысоеда.

– Лещёв, Крысоеда, за мной! – приказал комиссар подчинённым и обернулся к Михею: – Сказывай, что да как?

Когда они с Чадаевым вышли из здания, Михай указал на ожидавшую карету:

– Товарищ Ким, я просил извозчика дожждаться...

– Отрадно, друг мой, едем...

Сели в карету, Лещёв с Крысоедой запрыгивали почти на ходу – один на облучок к извозчику, второй в салон.

***

Экипаж подъехал к дому Скородумовых, все спешили.

– Быстрых результатов не жди, – обнадёжил комиссар, отпуская карету, – К полноценному розыску я ж так, что чаще сам был в сыске, но среагируем и дознание под протокол проведём... Твоё везение, что вообще на месте меня застал...

– Не чаял уж хоть кого... Вчёрта к запертой двери приходил, а на стук и звука никто не подал...

Милиционеры с Михеем вошли во двор.

– Стоп, так то теперешнее происшествие, или всё ж таки вчерашнее? – остановил Чадаев, когда все вошли во дворик.

– С поминок провожал барышню, нашли убиенных...

– Оборот, однако... Из огня да в полымя? – сыронизировал комиссар и, разведя у крыльца тело Демида, скомандовал своим: – Лещёв, с нами в дом, Крысоеда, осмотрись вокруг...

Прошли в покои. Сестра сидела в темноте возле мёртвого брата и тихо хныкала в платок. Михай зажгёт керосинку.

– Туся, не страшись, то Михай с милицией прибыли...

Девушка, услышав голос Михея, запричитала, подвывая:

– Совсем одна осталась... Осиротела...

– Не одна... Вместе будем! – приобнял её Михай.

Включив освещение, которое никто не догадался до того включить, Чадаев с Лещёвым осмотрели дом. Позже к ним присоединился Крысоеда:

– На дворах раскардаш, курятник нараспашку, две поленницы завалены наземь... чурбаки разбросаны...

– Здесь тоже всё перевёрнуто..., – поддакнул Лещёв.

Чадаев подошёл к телу Гараньки, осмотрел:

– Побит, вижу, нещадно... Никак выпытывали чего?

– Пошто им Гаранька-то? – всхлипнула девушка, – Чай не хозяйский сын, за душою ни гроша нету, ни горелой свечки? Што с него выпытывать-те?

– А в оном нам и представляется разобраться! Соответственно с полным вашим содействием...

– Што знаем, всё обскажем! – поддержал Михай, указал на тело, – Братец то Тосин...

Лещёв приготовил карандаш и блокнотик:

– Дворника и братца вашего как в миру прозывали?
– Демид чай Смётанин. На Лыковой дамбе домовладение имет... А братец мой Заломов Герасим... был...
– Доктора надо бы доставить для освидетельствования... В доме вашем имеется телефония?

***

Утро следующего дня, в кабинете на участке рабочей милиции Чадаев и Зоя копошатся за своими столами.

– Аким Кузьмич, желаете чаю байхового?
– Байхового? – безучастно переспросил комиссар.
– И сладкая пастила есть... от Абрикосовых...
– Окажи милость... Может, голова прояснится? – поднял глаза Чадаев. – Разбираю сыскной ранжир, недоумеваю: бывал в тюрьме и подвергался высылке, а не думал, что даже шпикам с охраны надлежало сочинять вора бумаг?
– Вам человека бы грамотного в помощники привлечь, и делопроизводство пойдёт своим чередом? – подсказала Зоя и поставила чайник на примус.

Как Зоя пришла на службу в милицию, никто тут не знал. Знали лишь, появилась всего как с полгода. Дама была грамотная, тактичная, всегда ухоженная – это, надо понимать, устраивало сбежавшее старое, теперь и новое начальство, а копаться в прошлом пригожего человека было пока просто некому.

За семнадцатый год уклад полицейских отделений переменялся до неузнаваемости. Во времена царские служба была поставлена чётко и иерархично, с приходом временного правительства половина начальственного состава была отстранена и арестована, вторая разбежалась сама. После октябрьского переворота прошло совсем мало времени, но начальник на место нашёлся в губкоме, к нему был комиссован делегат исполкома губернского отдела РСДРП Чадаев Аким Кузьмич. Ему был поручен уголовный сыск, а когда приступил к работе, бумажным производством дел уже занималась Зоя Аркадьевна.

– Люди покуда опасливы до новой власти! – оправдался комиссар, – Да и губком жалуется финансами не особо льготно... А что, у тебя есть кто на примете, Зоя?

– Нет, к слову..., – отнекалась Зоя, подсыпая в заварник душистые травы, – А что там со вчерашними мертвецами?

– Бандитский разбой по первым признакам, Крысоеда с Лещёвым свидетелей ищут... А участок наш и правда требует расширения и обучения новых сотрудников производству дел... Слышала, какое нам название в губкоме прочат?

– Какое же?

– Настаивают, что Участок РППД! То бишь, Участок Расследований и Пресечения Преступной Деятельности!

– Бывших служащих полиции и жандармерии нет мысли привлекать для консультаций? – ненавязчиво вернулась к теме Зоя, – Бумаги это хороший источник, а лояльный человек с опытом уголовного сыска – то иной коленкор?

– Есть в твоих словах здоровое зерно... Вот Касьян Лещёв – филёром в охране служил, как бы классовый враг, а поговорили – обычный человек в житейских веяниях?

– С виду бы и отзывчивый и простоват как ярманошный зазывала, а чужая душа – потёмки всё ж...

– Нам нужны люди для оперативного сыска... Чтиво ему дал, за что партия выступает, тезисы Совета рабочих и солдатских депутатов привёл – так не дурак, принял же, лояльность явил... Крысоеде наставник на первых порах...

Зоя подала чашку чая, Чадаев глянул часы:

– Где их ноги носят, к слову?

***

В парадную милицейского участка входят Туся и Михей. Прямиком в кабинет к Чадаеву, приклонились с порога.

– Благодарствуем вам, товарищ Ким... Кабы не слово ваше?! – обрётся Михей. Чадаев вышел из-за стола:

– Оставьте эти замашки... Я большевик, состою в РСДРП, направлен сюда полномочным представителем губземства, и к старорежимным преклонениям отношусь крайне нелестно...

Молодые расслабились, Туся затараторила:

– Всё одно благодарствуем покорно... Демида братец забрал хоронить, а Герасима-те моего завтрея земле придадим...

– Дело житейское..., – Чадаев дружески похлопал Михея по плечу, – Доктор не выявил иных причин смерти, кроме как кровоистекания от ножевых ранений, глубже обследовать нету по сию пору возможностей...

Тусе стало дурно от услышанного, она припала к груди Михея. Комиссар подметил волнительное состояние девушки и подался на выход из кабинета:

– Обождите тут...

– Чай не обиделся человек? – переспросил Михей у Зои, женщина не нашлась, что ответить, потому съехидничала:

– Изживать надо сословный этикет! Поклоны, угодничества и прочие заискивания оставьте в прошлом...

Зоя налила чашку чая и предложила Тусе:

– Вам, барышня милая, откусать горяченького напитка скоро надо бы, а то личико вон иссиня в синь?

Туся поблагодарила и приняла чашку. Комиссар вернулся со стульями, но задержался в дверях, наказывая кому-то из коридора прийти к нему в кабинет.

– Зоя, милая, здесь и прежде присесть было не на что? – Чадаев поставил стулья возле своего стола.

– Да как-то растащили... незаметно..., – удивилась Зоя и огляделась, – Тут такие суматохи происходили, когда прежнее начальство низложили, что и концов уже не найдёшь...

– Нет мыслей, как мебелишками обставиться? Неудобно же людей на ногах принимать?

– Откажу вам пару канапок, – предложил Михей, – А по удобству, своими руками смастерю присідки, экие скажете?

– За сие спасибо! – обрадовался Чадаев, – Садитесь, будем первичное дознание вести, а после похорон жду снова... через недельку... Свидетельства разумно на бумагу положить...

Вскоро в кабинет вошли Лещёв и Крысоеда, расселись на принесённых с собою стульях.

***

После всех мероприятий, связанных с похоронами убиенного, Туся собрала в одной из каморок дома Скородумовых поминальный обед. За отсутствием родственников, народу на похоронах Герасима было немного, а отобедать остались только Михей с матерью и сёстрами, по сути его и не знавшие.

– Не гадала, не допускала к себе мыслей о смерти, а враз с поминок на поминки..., – посетовала Евдокия.

– Никто не чаёт смертушку, не ведаёт грядущее...

– Окромья Свишки убогого..., – напомнила сестре Анна.

– Дажа карточки с Гараней не осталось для памяти..., – пробормотала заплаканная Туся, но вдруг воспряла духом: – А ведь верно... Откель ему было знать, што мне навещал?

– Вещания Свишкины гадать нешто, баёт и баёт... А кады сбыться должно – утаивает! Потому слухают его ухо на востро, а свершись – уж и нешто Блаженному обиды выказывать...

– А я не прониклась, к мурцовке свела... Помню, надолго без бед потешил, а за горюшко близкое без внимания пустила? – поддакнула Туся Евдокии.

– Всё одно не исправила бы? – утешил Михей. За столом все затихли, Туся замерла в думах, уставившись на Михея:

– Што ж получается? Не разгони матушка Фаина Михаллна прислугу, не уведи меня Михей, так всех ножом истыкали?

– Мож так... а можа Господь отвёл костлявую?

– Не время Господу преставиться..., – ответили сёстры.

– Благодарствую вам за помощь с похоронами Герасима моего, што подле были... Не осилить было одной, горевала бы до седых волос..., – опомнилась девушка.

– Мы люди мирски... Завсегда поможем... И тот же Свишка навещал держаться купно, тады и беды отступать будут..., – успокоила Евдокия.

– Я што надумал, маменька, да при своих скажу..., – привлёк внимание Михей, – Пойду на милицейскую службу проситься... Отыщу отцовых душегубов, и кто с Гараней бесчинства творил... В сердце запало, не успокоиться...

– Ох и суматошну ты затею примыслил, Михей... Из столяра в филёры? – всхлинула мать.

– Столяничать бросать и мысли не имел, маменька!

– Гликось сие как..., – неожиданно поддержала Туся, – Коли станется откупиться от Ско-родумовых, может и мне кое привлечение от новой власти выпадет?

– Нам с Нюшкой то же теперь время чаять наперёд..., – задумалась Алёна, – Времена-те экие грядут?..

***

Морозным днём Михей и Туся прогуливаются по дорожке городского сада. Девушка держится под ручку, на встречающих смотрит, сияет, улыбается. Приодета побогаче прежнего, да и жених у неё человек труда – не в босяцких одежах.

– Дышится легко, аж небо над головою кружит... Кажись бы скорби отпускать не должны, а мне непочайно..., – выводит Михея на беседу Туся, – По Гаране первую ночь в избыток выплакала, на девятины слезинки не осталось... Да ты, Михей, на приглашение смел, а на беседу как язык надкусил?

– Столько слов сказать хотелось..., – оправдывается Михей, – Мечтал прогуляться с тобой, пошептаться о том, о сём неважном, а вышли, и правда, будто язык отняло...

– Мож молча, – жмётся Туся к Михею, – Сколь мне пережить пришлось, с тобою успокоение чувствую... Во саду во-первой с кавалером гуляю, внимаю как барышни оборачиваются, хвалят, завидуют ли, а мне в усладу...

– Ты у меня и личиком приятнейшая особа, цигея по фигурке, треушка лисья, пелеринка да муфточка под неё – как не обернуться?

– Я у тебя? – зарумянилась Туся, – Слова твои сильнее цигейки душу греют... А пелерину у Марии выпросила – к прилюдным прогулкам мои одежи непригожи...

– По одежке встречают, по уму провожают... Кафтан пошить не сложно, а ум человеку ни за какую монету не занять...

– По уму, стало быть, меня любишь?

– Ой, ненаглядная моя, в тебе всё распрекрасно!

– Мария клюшница-те в неведении была..., – затараторила девушка, – По отъезду Фаина Михаллна отпустила на неделю, Мария и выехала к сестре на Моховы горы... А возвратилась – така бяда в дому грянула! То же слезою плакала...

- Дом у Скородумовых видный! Сколькой прислуге содержать покои оные?
- Покамест богослужения, похороны собирала, перемерз было... А Фёдор появился – отогрели... Голландку два дня жарким огнём топили..., – не слушая, тараторит Туся.
- Фёдор оный кто такой будет?
- Ой, прикащик в хозяйских покоях чай... Матвей Иваныч ежедённо напоминает, а Фёдор и сам по уму правит... Иной раз наперёд, а хозяин расхваливает, кой помощник прозорливый... Он да Марья – муж с жаной, из сенной прислуги мы с Гараней, нёмушка прачка, Демид да наёмник Антип на все руки... Приходящих ишшо человека три наберётся...
- Скородумовская семья большая, судя по всему?
- Ой, да! Скородумовых детей только пятеро... Двое сыновей, не видывала никогда, в чинах военных да службах государевых, старши дочь да сын в имениях бóльшим прожитием, а в городе Кирила с отцом управляют...
- Туся! – неожиданно остановился Михей, – У меня появилась замечательная мысль... А не зайти ли нам в фотосалон и заказать печатную карточку на память долгую?

Глава V

Дома терпимости во времена дореволюционные явление вполне себе легальное и оттого обычное. Придерживались они строгих правил, зачастую написанных губернскими земствами, и имели строжайший врачебно-полицейский контроль. Сейчас было время, все старорежимные пережитки ожидали своей переоценки, но старых правил существования не нарушали.

В одном ухоженном борделе с гардеробчиком и мизерной сценой, на которой расположился квартет музыкантов, и нечто заунывное подвывала певичка, пиновала шайка Дрына. В приёмной зале под это дело был накрыт гостевой стол, сторонних клиентов отаживал специально нанятый амбал.

Бандиты пиновали, смеялись, заигрывали с расфуфыренными коготками, не опасаясь порицания и пренебрегая правилами бордельного этикета. Не было среди них Дрына и Фиксы.

– Мадам Фрайзон, и до коего часа бушует сей фуршет? – преклонил голову амбал, обратившись к проходящей мимо хозяйке элитного борделя, элегантной даме средних лет со светскими манерами – Фрайзон Ольге Дмитриевне.

– До утра, Спиридоша, до утра! – обронила мадам.

Ольга Дмитриевна отошла, облокотилась на жардиньерку, пригубила длинный мундштук с папироской, затянулась и пустила тоненькую струйку дыма.

– Неожиданно расщедрился Авдей Семёныч, да прибудет ли сам-то?! – произнесла она, наблюдая вакханалию в зале.

– Чёловек! – оторвавшись от своей коготки, поднял руку Сизый, к нему подбежал набриолиненный распорядитель.

– Чего изволите-с?

– Пришли-ка, голубчик, полового...

– Уединиться решили-с? – приклонился человек.

– Хай освежит, да накроет заново, пока мы с Дусей в танце сблизимся, а засим в номере уединимся...

Сизый сунул распорядителю пару пятидесятикопеечных купюр, тот отошёл к музыкантам, отдал одну ведущему, что-то шепнул, ансамбль заиграл танго. Сизый увлёк Дусю на танец.

– Как звать тебя, красавчик? – ухмыльнулась Дуся.

– Так и кличь, душечка! Выводишь, чую, нежно – танцам, привечаю, обучена? – сощелся Сизый.

– Бандура наша каждый раз понукает: дом терпимости, мол, это вам не изба притворная! Вы, научает, и в танце должны клиента возбуждать и парфюмом не отталкивать...

– Парфюм твой и верно сладок..., – принялся бандит.

Щерба с одной из коготок пошла в её комнату, за столом остались изрядно подшофе Мыта и Хлыст со своими избранницами. Одна коготка обратила внимание другой к хозяйке:

– Давненько наша бандура на шпану не растрачивалась...

– Ждёт ешшо кого-то... Ишь, душою мается?

Хлыст похотливо посмотрел на стоящую поодаль содержательницу борделя. Не понимая, что это хозяйка, подошёл к ней и достаточно по-хамски прихватил за талию:

– Где же прежде скрывалась экая краля?

– Фу... Отольни, пьянь беспардонная! – хозяйка вскинула руки и попыталась отстраниться, но Хлыст прижимал крепче. В этот момент его одёрнул только что пришедший Авдей, и ударом по морде отправил под жардиньерку.

– Схлынь, шкура барабанная... Не по свою харю красотку примеряешь!

– Благодарствую тебе, Авдей Семёныч! Чаяла, благодетельствуешь ли посещением? – оправила мадам.

Авдей кивнул на Фиксу:

– Дружку моему кокоток повиднее покажь...

– К тому господа и прибыли, понимаю? – хозяйка дала знак распорядителю заняться новым клиентом.

– Смотри за шпаной... иначе колотить буду нещадно..., – цыкнул Фиксе Дрын, – Попусту меня не дёргать, а поутру ноги их здесь чтобы не было...

– Не кипиши, Дрын... Расчихвостю, коли забудят...

– А к тебе, Ольга Дмитриевна, особый вид имею! – Авдей преклонил голову перед Ольгой Дмитриевной, – Распорядись сервировать столик в хозяйских покоях...

***

Отдельная комната. Горят свечи. Остатки еды на столике. Ольга жмётся в кровати к Авдею. Он раскуривает курительную трубку, она с папироской в мундштуке.

– Авдей, дружок прихожий тебя кличет Дрыном, а я так первый раз слышу?

– Язык бы ему подрезать... Мелет чего не попадя...

– С прошлого года о тебе ни слыхивала, а тут как снег на голову... Бордель на суткикупаешь, сам же лишь к ночи являешься?

– В силу дурости своей, чуть по миру не пошёл... Утрясал покуда да праведность изыскал, пришлось на тюремных шконцах клопов окармливать... А по тебе соскучился, душа моя... Муки душевные привели...

– Интрижно, Авдей Семёныч... Никак замуж позовёшь?

– Есть у меня верный человек в новой, как ея, бога душу – рабочей, милиции... Кой на язык развязан... Известия такие по миру гуляют, будто упраздняют врачебно-полицейские комитеты, а проституцию будут объявлять вне закона!

Мадам Фрайзон забеспокоилась:

– Намекаешь на бордель... Девоч что ли распускать?

– Девки твои и так распутные, куды ж боле? – пошутил Авдей, – А большевики вещают, мол, всяка баба тоже человек, и тоже права имеет! Всех бесправных и угнетённых в профсоюзы заывают, а смутьянов в начальства возводят...

– Как же бросить единственный доход? Сколь вложено..., – больше перед собой оправдалась мадам, – Девоч с младенцев набирала, в терпимости растила, татарчат к этикету приучала, зазывал в манерах упражняла – в шею всех гнать?

– Гони, не твоих забот оказия...

– Зол ты стал, Авдей Семёныч, да бездушен...

– Доброту всю мою тюремные костовёрты повывернули. А за что? Тяжба в мою пользу вышла, а поздно... и государство в тар-тарары... и душа уже охладела...

– Возьми меня в жёны – согрею? – льнёт к Авдею Ольга.

– Подопечные твои, под навет, первые же с тебя шкурки посдирают..., – настойчиво, понятно, что запугивает Авдей, – Собери капитал и зашухарись подальше...

– Как понять оное – зашухарись?

– Поезжай к финнам, их сенат независимость, как пишут, объявил... А лучше в Европы, Париж... Да не тяни – иныче горя нахлебаешься вдосталь! Поразмысли, кто ты для новой власти?

– Кто? – осторожается Ольга.

– Мироед и классовый враг! Обдерут как липку, жакетки не оставят, а то и в камору тюремную закроют...

– За что же? Научи, Авдей, миленький, с чего начать?

– Книжечку податей от своих благочестивых посетителей передашь? Да долговые, кто в заёмщиках числится...

– Всё отдам..., – мгновенно соглашается Ольга, – Пошто они мне в Парижах? Только подскажи...

– Саквояжик пришлю... Не простой – с тайным дном! Поценнее во скрытку уложи, поверху гуньём забей, и в ридикюле оставь мал-мала... Нарвёшься на разбой – лучше малость потерять, чем остаться ни с чем да с голым задом...

– А что ежли..., – заикнулась Ольга, но Авдей поднёс к её губам палец:

– Устройись, телеграфируй на главпоштамт! Проверну пару денюжных делишек, прилечу на полных карманах, а там и свадебку безбедную сыграем!

***

Дом Скородумовых. В кабинете за секретером приказчик Фёдор, где-то в сенях копошится его жена Мария, Туся что-то готовит в небольших чугунках на кухонном камельке.

– Туся, ничего боле не надо в сенях, дворках ли? – не входя, заглядывает через приоткрытую дверь Мария.

– Ничего...

– Коли нет, замкну погребок?

– Замкни... Вас накормлю, опалишки вон с утра нетронутые, а мне внавечёр немного-те и надо-ть...

– Не страшишься в ночь оставаться? – слыша разговор, оторвался от бумаг и подошёл Фёдор.

– Перву ночь жути нажила, ветра в покоях выслушивала, а Паша-нёмушка вернулась, и свыклись как-та... Да и Антип кую ночь в своей каморе похрапывает... Всё присутствие чую?

– Подумай, да рассчитывай. Теснот нам не составит тебя приветить..., – предложил Фёдор и вернулся к секретеру.

В момент распаивается центральная дверь и в гостиную бесцеремонно влетает старший сын Скородумовых, худощаво-моложавый Иван Матвеевич, разодетый в меха. С ним щеголеватые субъекты: детектив Ференц Нодиш, и верный помощник Антоний Гжетский, чуть моложе.

– Кто есть в доме, подь сюды! – зычно проголосил Иван и вальяжно расселся во главе стола. Детективам дал знак тоже присесть к столу.

– Здравствуйте, Иван Матвеич, не ждали мы вас? – удивился вышедший на зов Фёдор.

– Здеся... Иван Матвеич пожаловал? – влетела Туся.

– Фёдор, чёму отворы ветром быются? Демид где? Родители мои, Кирила где? Дом как повымер...

– Как же? Того дня, что телеграмму отбивал, отбыли они обозом из автомобиля и кареты? – забеспокоился приказчик.

– Не прибывали сродники мои в усадьбу назначено..., – осёкся Иван, – И в Кстове на постой накануне не вставали...

– Молву не вели в Кстове задерживаться..., – выговорил ошарашенный известием Фёдор.

– Куды их пронесло... Ума не приложу, что за оказия... Ни следа с дороги, ни весточки с людской молвой...

– Ай ба... што деется? – запричитала Туся, – Хозяева безо всякой вести пропали и здеся страшности, словами не оймёшь: Демиду с Гараней ножом истыкали до смерти... покой пограбили... Не пожгли хоть, слава Господу нашему...

– О том, что случилось за отсутствием родителей ваших, я подробнейшее письмецо заказной поштой отправил – али не получали? – оправдался Фёдор.

– Разминулись, по всей видимости...

– Прямые совпадения событий! – вступился Нодиш, – Родителей ваших отыскать не стало возможным... В доме беда... Глядишь, Иван Матвеич, ещё что-то вскроется...

– Та-ак... Пришла беда – отворяй ворота, намекаешь? – ожидая подобного, достаточно холодно выговорил Скородумов и указал приказчику: – Фёдор, подь-ка со мной, а ты, Туська, собери, кто в доме есть, и обскажите, что детективы спросят...

***

Иван завёл Фёдора в отцов кабинет, своею рукой замкнул дверь на замок. Подошёл к угловому шкафчику, малым усилием отвернул в сторону, открыв доступ ко встроенному в стену металлическому сейфу с кодовым замком. Накрутив нужный код, Иван открыл дверцу и удовлетворённо сел напротив:

– Фух, растопчи змею кобыла! Хоть тут не пошарили!

Нижнюю полку занимал красочно инкрустированный пузатый ларец. На верхней полке лежали бумаги, рабочие папки и несколько пачек денежных ассигнаций.

– Не знали разбойники секрета, Иван Матвеич... Перерыли что смогли, а сейф не тронули по неведению...

– Прислуге, что при доме, прятко досталось?

– На день разбоя многие с отпусковых, слава Богу, не вернулись... Демида сразу перед крыльцом пырнули, а на Гараньке живого места не оставили... Не знал юродец про тайник хозяйский, вот и запытали до смерти..., – рассказал Фёдор.

– Што ж, божий промысел никому неведом, – выдохнул Иван, – От себя думаю отписать пособие семьям убиенных, а поискам сродичей придаться со всею праведностью... Достань всё с сейфа, Фёдор, да на столе разложи...

Фёдор разложил содержимое сейфа по столу, а на ларчик обратил внимание:

– Дуже лёгок ларчик-то, Иван Матвеич – никак пуст?

Иван забеспокоился, открыл – ларец и правда пуст!

– Эх, не удержался Матвей Иванович – враз прихватил всё золото с собою...

– И много ль было? – бездумно спросил Фёдор и осёкся, – Ой, извините, Иван Матвеич, за сие любопытство глупое!

– Ты, Фёдор, человек честный..., – без нотки укора ответил Иван, – Наказ мой будет таков: о ларце молчать, покамест сам не буду готов сказать! Всё ли понял?

– Слушаюсь, Иван Матвеич! – приклонил голову Фёдор.

– И дворок держать отныне на засовах! – добавил Иван.

***

Новый день, новые заботы. Ко входу в милицейский участок подходят Туся с Михеем, встают в ожидании. Некий рабочий подвешивает табличку «Милицейский участок РППД».

– Ох, Мишка, страшенно-те? – жмётся к Михею Туся.

– Топерь уж нечего страшиться? Обсказали прошлый раз как знаем, осталось лишь пером отчёркнуть...

– Слышь, мил чек, подскажи чай, вровень ли? – привлёк молодых к своему делу рабочий.

– Слева задрано на полвершка..., – присмотрелся Михей.

– Страшенно на службу проситься – примут ли? – тычет в бок Туся, – Хозяйство могу справно держать, а неизвестному делу обучаться надо-те?

– Ты у меня барышня бойкая, на язык не злословная, доверие к тебе потому во всяких чинениях не охульное!

– У тебя? Кады баешь так, аж жар в груди играет...

Рабочий заметил воркования молодых, убрал лестницу:

– Проходите, люди добры, держу вас... На своём глазочке примерь, а на чужом проверь!

– И то верно, мил чек..., – кивнул Михей.

Михей открыл дверь, пустил вперёд Тусю, направились напрямиком в кабинет к комиссару. В кабинете Чадаев, Крысоеда и Лещёв. Молодые люди снова приклонились с порога.

– Здравствуйте, товарищ Ким...

– Задача ясна? На рожон не лезть, результат обеспечить из кожи вон! – Чадаев закончил раздавать распоряжения подчинённым, поднимающимся на выход.

– Будет сделано, товарищ комиссар! Посмертны награды вышлите детям..., – Схохмил Лещёв и вслед за Крысоедой вышел из кабинета.

– Вернётесь мёртвыми – арестую! Задание особого прилежания, а им всё баутки? – укорил вдогонку Чадаев.

– Здравствуйте, товарищ Ким! – повторился Михай.

– Сухаревы? Здравствуйте, проходите к столу...

Поправлять Туся не стала, пришедшие сели к столу.

– Явились под ваше указание спустя неделю...

– Да-да... Пунктуальность я всегда приветствую..., – комиссар откопал из вороха папок самую тощенькую, – Грамоте обучены? Писать умеете?

***

А где-то на сходке в отдельном помещении шалмана пируют бандиты. Изрядно пьяные, Хлыст так вообще уже спит за столом, сложив голову на руки. Авдей трезвый, к остальным держится достаточно пренебрежительно, поигрывает тростью:

– Фикса, Ольгу Дмитриевну мою проводил?

– Исполнено в лучшем виде, Дрын, – гнусавит Фикса, – До вокзала вился хвостом, присмотрел, как в купе вошла, и дождался, покамест поездуха отправится...

– Добро... С барахлом порешали?

– Поценнее продали, всяк щепет на харч да выпивку выменяли, люльку скородумовскую Хлыст отмазал в Богородицке посчитай в полную цену...

– Люлька справная была, ушла на раз..., – не поднимая головы, пробормотал Хлыст.

– Меха на перекупе... Осталось малое, за лавье метнуться, – доложил Мыта.

– Барыш зримый нам на раскладе...

– Лады! Шустро вы..., – удовлетворился Дрын, – Барыш делить равнительно, но помни, пьянь шалманная: ассигнации скоро изымутся с оборота...

– Нам што с того? – отвадил Сизый.

– Пропадут... Всякие купюры, что не пропьёте, незамедлительно меняйте на сёдь, желтуху да каменья драгоценные..., – продолжил Авдей, – Фикса, треть на бочку отсчитай, на будущие предприятия, долю за посещение публичного дома добавь к моей марже, отмеришь желтухой и в цех поднесёшь...

Хмельной Фикса откинулся и раскинул пальцы «козой»:

– Фарт твой, Дрын, на пальцах пришла пора раскинуть... Хоть иного ты фасону, а на тюрьму зашёл без льготы, на масть не гнал и языком лиша не мёл... Блатную музыку просекаешь... Зарукой шпане моя фикса поставлена, но не может птица тваво полёта без умыслу гнездить на нашем болоте?

– Не может, а гнездую! Предъявить имеешь?.. – злобно зыркнул Дрын.

– Объясниться хочу для шпаны..., – не унялся Фикса.

– Мы с отцом бывали цеховики-тычники..., – вальяжно откинулся Дрын, – Капиталец имели, докуда с вложениями не опозорились... Остались две столярки, от долгов и люльки позволить себе не могли... Помнишь ли жиганов на дальних нарах?

– Политических? За книжки запретные причаленных?

– Помнишь...

– Держались оне украдкой да сказки сказывали о жизни сладкой, а клопов в общем каземате не ропща кормили...

– Запомнил и я сии сказки... Власть ноне перехвалили их сподвижники, и оные известия не к добру... Птиц того полёта, в кой меня подымаешь, скоро приземлять начнут... И приземлять будут основательно, могут и замордовать до смерти...

– А тебе жестко́ на земле-те?

– Боюсь, и вам мягко́ не станется..., – перешёл к натиску Дрын, – Верховодство нашей кодлой принял самолично ввиду низкой вашей образованности и никчёмных притязаний... Кем вы раньше были? Карманы чистили, пьянь кабацкую на мушке кидали, торгаша шельмовали да шлénдали с бутыля под топчан? А сейчас жрёте в три пуза, пьёте взахлёб, марушек вон... элитных... любовали в коем разе... разлюли-малина...

– Зазлобно бугор бает, а рамсы не спутал, Фикса! – среагировал Щерба.

– Мортую сколотить новый капиталец на жизнь безбедную, на том и вас поднять, – раскрылся Дрын, – А придёт час, разбежимся по углам-закоулкам...

– Ну... что, шпана... фиксу драть будете? – распальцевал Фикса, указывая на золотую коронку, дружки закивали в одобрение слов главаря и принялись шалманить дальше.

– Залом такой, шаромыжники: карасей буду сыскивать пожирнее, и щипать будем всею кодлой... Коли согласны, есть гожая наводка на тайного делягу...

– Что значит тайного? – переспросил Сизый.

– В бумагах мадам Фрайзон приметил некоего субъекта Ференца Нодиша..., – пригубил лафитник Дрын, – По записям, оный тайный коммерсант посещал её публичный дом регулярно, платил всегда желтухой и редко седьем...

– Неужто Авдей Жердёв да не знает деляг Нижнеграда? – засомневался Фикса.

– В том байда, что живёт инкогнито, в гильдиях не замечен, но понимаемо – доход имеет не мелочёвый, и накопления, мортую, держит не в бумажных банкнотах...

***

Комиссар Чадаев просматривает бумаги, собственноручно написанные молодыми людьми.

– Итак, Сухарев Михай Яковлевич и Заломова Таисия Акифиевна? Фамилии носите разные, и в законном браке, стало быть, не состоите... Может, тайно сожительствуете?

– Покамест не в брачных узах, не венчаны, и безбожно не сожительствуем..., – уточил Михай.

– Покамест? Чую, всё-таки думаете семью создать?

– Коли станется, што Туся согласится и не откажет моим стараниям, после сорочин и свадебку отгуляем? – подмигнул избраннице Михай.

– Полно, Михай, загадывать-те? – смутилась девушка.

– Надо загадывать, надо планы строить, надо детей много рожать, невзирая на трудности..., – научил комиссар.

– Может и отгуляем, после Светлой седмицы? – зарумянилась девушка.

– Вот! А я тогда на ваше свадебное гулянье напрошусь..., – поддержал комиссар.

– Чай за ради Бога! И нам отрадно будет...

– Товарищ Ким, тут такая оказия..., – набрался храбрости Михай, – Родителя моего погубили люди лихие, отчего я принял горесть неужёмную и решил проситься к вам на службу... Разыскать душегубов и предать суду праведному...

– Оборот, однако? – удивился Чадаев, – Но, суду законному! Праведно судят сердцем, зачастую сгоряча, и не всегда, надо знать, беспристрастно... А закон полагает судить с холодной головой и состязательно... Мы собираем улики, расследуем, находим подозреваемого и представляем результат, а суд должен вникнуть, и другую сторону с адвокатом выслушать...

– Витиеваты слова ваши, уразумеешь не сразу...

– А мне так понятно! – оживилась девушка, – Оныя как в книжках детективных? Читаешь и гадай, кто спреступничал? Как только уверишься, а хитрый адвокат переиначит улики, и совсем другой человек злодеем окажется...

– Детективами увлекаешься? – улыбнулся Чадаев.

– У Скородумовых множество книжиц всяких. Што Фаина Михаллна скупала, тем и я зачитывалась... Сначала любовны романы достатком были, потом исторически книги брала, а последне время детективами увлекалась...

– А не думала ли, Таисия Акифиевна, перестать прислужничать купцам и вырваться из сословного гнёта?

– Как же не думать-те? Всякий грош с малого жалования откладывала на выкупной платёж... А нонче вести, што сложится затея моя: Скородумовы старшие сгинули безвестно, а Иван Матвеич отпишет вольную сполна...

– Как так сгинули безвестно?

– А так... Выехать выехали, а прибыть не прибыли...

– Оборот, однако! Интересно дело складывается!

– Иван Матвеич прилетел с имения грознее тучи! Детективов с собою привёз, а те зырют – до исподнего просвечивают, да выпрашивают всячески ненужности...

– Иногда ненужность может оказаться неопровержимой уликой! – построжел комиссар, – А теперь, Михей Яковлевич и Таисия Акифиевна, перескажите сызнава прошлые события с момента знакомства... И примите во внимание: комитет Совета рабочих и солдатских депутатов принял декретный акт об уничтожении сословий и гражданских чинов...

– Оно как же топерь будет-те?

– Теперь каждый бывший подневольный волен жить без оглядки на прошлое... В том числе ты, Таисия Акифиевна!

***

В свете событий и научений комиссара, Туся собрала нехитрые пожитки, коих скопилось на баул с небольшим чемоданом да рундучком, и покинула дом Скородумовых. Вряд ли она решилась, если бы не поддержка и уговоры Михея прижить её в своей семье. Мать с сёстрами были только рады принять Тусю, и вот уже Михей привёз её в их общий дом.

– Милости просим, барышня..., – добродушно встретила Евдокия, – Дом наш примай своим, занимай комнату Михея, а там как Бог даст... Притеснений не создашь, отчего и разладов с нашей стороны не встретишь...

– Благодарствую, Евдокия Филипповна... Покладистая я, окромя помощи всяческой, притворства от меня не поймееете...

– Дай Бог, дай Бог... Лёна, Нюша, покажите Тусеньке обитель нашу, да помогите чай в дому освоиться...

Сестры перехватили вещи и увели девушку за собой в покои, а мать обратилась к сыну:

– Может, во дому останешься? Чай всем места хватит?

– Как согласили, пуцай будет, маменька, – упорствовал Михей, – До поры в мастерскую переберусь, абы не покраснеть Тусе от людских наветов...

– Что ж мы, одними бабами во дому уживаться-те будем? Кладовую освободим – та же самая комната?

– Ты, маменька, беспокойством донимаешь, словно ехать на чужбину? Всего-то в цоколь с другого входа перейду?

– Чай не уходя там... не топлено вполонь... нежито?

– Ой уж, нежито? Вчёрась ешшо место разгрёб и топчан сколотил... Опоку, камелёк обмазать, отмерзать поставил... При мастерской обретаться буду, и до вас подняться с дюжину ступенек... Куды мне большего-те?

***

Незаметно вышел вечер. За круглым столом гоняют чаи Туся и хозяева. На столе самовар, конфеты и выпечка.

– Как обустроилась, Тусенька, как покои напогляд?

– Ой, по нраву всё, Евдокия Филипповна, чай многова ли надо мне? Койка добротная, перинку Ньюша отдала... А комодку, скрыню ли поудобную – уж прикуплю?

– Бог с тобою, душа моя! – словно оправдался Михей, – Покуда руки древо чуют, люблю шифоньерку тебе смастерю?

– Аннушка, неужто в кладовой не подобрали? – обеспокоилась мать.

– Сплетничали чай, картишки на судьбу раскинули, вот и прозевали, как потьма спустилась в окна..., – ответила Алёна за сестру, – Да и Туся бойкая на россказни, словечко под словечко – глядь и вечер вспыхнул свечкой...

– Пробалакали до вечера, а послушать-те и нечего? – отступилась Евдокия.

– Да ладно-те вам, я таратора, а не злословная..., – успокаивает Туся, – А дела, оне житейские, уладятся... Назавтре с утра нам велено на службу прибыть...

– Велено? – удивилась Анна, – Вот ведь изумительные новшества последнее время случаются... Силком на литургию никой дьячок чай прежде не гонял?

– Не гонял, а впомиму не пускал..., – поддержала Алёна.

Туся с Михеем незлобно усмехнулись.

– Служба нам позволена государева!

– Не государева – самодержавие свергнуто навечно, указал Аким Кузьмич, а применение наше будет во благодсть всего трудового народа! Вот как! – поправила Туся, – Как вдумываюсь в слова оные, так дрожка в коленях бьётся...

Глава VI

Немноголюдная зимняя улица, освещённая тускловатыми фонарями. К угловой парадной большого доходного дома подъехал конный экипаж, за вожжами на облучке Хлыст, рядом Сизый. Сизый спрыгнул, озираясь, приоткрыл входную дверь, присвистнул и дождался, пока банда из кареты проникла в парадную. Осмотрелся ещё раз и тоже пропал за дверьми.

Поднявшись на лестничную клетку, налётчики оказались перед двойной массивной дверью с цифрой «1» и табличкой с каллиграфически выведенной надписью «ГАД РАЙХЕЛЬ».

– Ты куды привёл, свистун? – ткнул Фиксу Дрын.

– Не кипиши, Дрын, пришли куды надо! Мы тут с Сизым понюхали намедни – прорухи нет! Кем фраерок тот приходится Райхелю, знать не знаем... Дворник здешний несговорчив, сука, а постояльца скупердяем кличет...

– Точно по твоей наводке... Дом, апартаменты – в масть..., – подтвердил слова сообщника Сизый.

– Не только скуперда, но и гад... первый..., – усмехнулся Мыта, рассмотрев дверь и табличку.

– Звони... Либо с Богом, либо к чёрту! – повелел Дрын.

Фикса накрутил рычажок механического звонка с надписью «прошу повернуть», из-за двери донёсся мужской голос:

– Кто там есть не вовремя прибыть?

– Адресок, где Ференц Нодиш постоянноствует? – под услужливой ноткой сообщил Фикса, – Прибыл посыльный для собственноручного вручения бандероли...

– Ой, не к часу... Просил же оставлять корреспонденцию на главпочтамте! – мужской голос выразил недовольство.

Заскрежетал замок, щёлкнул ригель, и только приоткрылась дверь, Щерба с Мытой резко рванули створ, сорвав дверную цепочку. Райхель получил удар рукояткой нагана и кратковременно потерял сознание. Банда ворвалась в апартаменты. Хозяина втащили в большую гостиную, бросили на кушетку, согнали постояльцев – жену Меир, сына подростка и их прислужницу, которую бандиты приняли за дочь.

Фикса толкнул пришедшего в сознание Райхеля:

– Очнулся што ль?

– Гади, кто есть все эти люди? – всхлипнула жена, жавшая к себе сына.

– Чего боялись, Мирочка, то видимо и совершается...

– Они что, пришли делать нам грабёж?

Авдей обошёл квартиру и вышел в гостиную последним.

– Раз уж усекли, что к чему, выкладывай богатства! – прикрикнул Фикса.

– Да кто я, чтобы богатством располагать – дантист простой? – взмолился Райхель, – Зубик удалил, коронку обточил, мостик ли поставил – с чего тут скопишь-то?

Сизый поводил лезвием ножа по предплечью Меир:

– Выкладывай что есть...

– Хорошо-хорошо... – вскинул руки Гади, – Всё отдам, не троньте никого...

Райхель прошёл к гостиному буфету, достал фарфоровый чайник и вывалил на стол содержимое. На столе оказалась кучка на вид золотых и серебряных изделий. Из ящика секретера вынул несколько пачек банкнот мелких номинаций.

У бандитов загорелись глаза. Авдей подошёл вплотную к столу, стволом нагана разгрёб кучку, недоверчиво пораскинул пачки и недовольно цыкнул:

– Ужельно малы ваши капиталы? Кто такой Нодиш?

– Племянником таки приходится... С Будапешта..., – опустил голову дантист, – Дальнюю комнату у меня снимает третий год... Да только в отъезде он не одну неделю как?

– Метнитесь... Переройте всё..., – Дрын наганом указал Щербе и Мыте повторно осмотреть апартаменты.

Сообщники ушли, из глубин квартиры послышалось, как выбили дверь. Авдей подошёл к «дочери» Райхеля, приставил ствол нагана к её голове и взвёл курок:

– Нам, дантист, торопиться некуда. Либо весь прибыток выкладываешь на стол, либо считаю до трёх и... Раз!

– Всё отдал... Без утайки сообщаю: всё, что есть, отдал! – запричитал Райхель.

– Обернись, гад! – прикрикнул Дрын, – Подсвешники серебряные, художества, обстановка чего стоит, а на кон три гроша да полтора шиша? Два!

– Не сносить мне головы – всё отдал! – взмолился Гади.

– И тебе не сносить, а во-первая дочке твоей...

Дрын цыкнул, раздался выстрел, служанка упала. Меир завопила и забилась в угол с сыном, закрывая ему глаза. На выстрел прибежали Щерба с Мытой с саквояжем. Гад оторопел на секунду, и тут же заметался по гостиной. Из какого-то дальнего ящика достал ключ, откинул жардиньерку с цветочным горшком, под которой оказался потайной затвор в подпольное пространство. Открыв, достал небольшой сундучок и водрузил его на стол, откинул крышку. В сундуке было три пузатеньких кошель с золотыми монетами, женские украшения, ассигнации и какие-то акции паевого участия.

– Это всё, что есть..., – обречённо выдал Райхель.

– Теперь верю! – победно сообщил Дрын и подтолкнул ногой прислужницу, – Встань, вижу жа, что очнулась! Папаша твой скупердый, а не хитрее хитрости оказался...

Испуганная прислужница, еле слышно хныкая, встала на ноги, Меир обняла её как родную.

***

Холодный кабинет комиссара. Зоя копошится с бумагами, Чадаев подкладывает чурки, растапливая «голландку». Оба пока одетые, но расстёгнутые. Начинается рабочая неделя.

– Как стынет помещение всего за день отсутствия... Руки холодеют, чего не тронь..., – сетует Зоя, отставляет чернильницу и дует на руки, согревая.

– Сейчас быстро согреемся..., – Чадаев двинул стул ближе к топке и перенёс на него свою и Зоину чернильницы.

Открылась дверь, Михей с Тусей вносят в кабинет добротную сколоченную скамью на три посадочных места.

– Здоровьяца вам! – озорно поприветствовала Туся.

– И вам не стужиться..., – замерев, кивнула Зоя.

– Поди, чай не ждали? – улыбалась девушка.

– Слёзы копили, плакать уж хотели..., – съязвила Зоя.

– Мы вот с обещанным..., – вступился Михей и указал на своё изделие. Чадаев увидел скамью и похвалил:

– Молодцы! Молодцы, что не передумали, к нашей работе люди применительны... За скамью отдельная благодарность, ставьте её по стене к моему столу, да и присаживайтесь сразу...

– Вторая в заделе, товарищ Ким. Подсохнет, поднесу...

Михей выровнял скамью по стене, и присел с Тусей.

– Добро, оплату распишем по поступлению финансовой ссуды, – сообщил Чадаев, – Эксплуатировать твой труд, товарищ Сухарев, наша власть не имеет права...

– Как скажете, лишняя копейка карман не оторвёт...

В кабинете начало теплеть. Закончив с растопкой, комиссар расставил по столам чернильницы и сел на рабочее место.

– Итак, Таисия Акифиевна..., – перешёл к делу комиссар, – Отрицательного мнения и даже простого сомнения к приёму на службу анкета твоя не возымела...

– Мимо прочего добавлю, – поддержала Зоя, – Ошибок в тексте мною не обнаружено, милочка, невзирая на твой уездный выговор... Каллиграфия на зависть студентам, точки над і прописаны, ер и ять расставляешь поуместно... А в графе образование – не обучалась... Как так?

– Чай так, што не обучалась... Баю как привышно, буквицы у маменьки ешшо подглядывала, а каллиграфии да всяким запятым Фаина Михаллна научала, кады книжицы вслух начитывала..., – выпалила девушка.

– Бывает же такое? – удивилась женщина, – Папенька, скрывать не стану, коллежский ассессор немалые деньги в моё образование вкладывал, а тут от ума разумница...

– Оборот, однако! – приятно удивился комиссар, – Но мнение исполнительного комитета оттого неизменно... К тебе, Сухарев Михей Яковлевич, есть вопрос по анкете...

– Неужели вышла причина для отказа? – забеспокоился молодой человек. Чадаев открыл папку:

– Тут тобою собственноручно указано: два старших брата 1887 и 88 годов рождения, Андрей и Фадей Яковлевы из Сухаревых, а где они и кем ноне являются – не прописал?

– Ай ба, гликось што, я тожа про братьёв ничего не знай? – удивилась Туся.

– Да ни я, ни родители ничего толком не знают... Што с братьями – долгое время неведомо..., – вздохнул Михей.

– Вас что-то разлучило? Несчастье? – вступилась Зоя.

– Спреступничали по малолетству... Обокрали прянишну пекарню... Главный полицмейстер условил отца выбирать: либо рота потешников, потом кадетское училище... а там в генералы, смеялся, выйдут... Либо в земский приют под попечением жандармерии... Пугал, поди, а не воспротивишься?

– Жандармерия не церемонилась, по себе знаю..., – поддержал комиссар.

– Отец порешил в кадеты... Всё одно, мол, подле будут? А их взяли да препроводили до Санкт-Петербургу... До пятого году письмами сообщались, потом прервалось... Мать предприняла поездку, а училища в оном адресе уже нет, и саму ея отвадили безо всяких пояснений... С тех пор ни весточки...

– Ничего..., – задумался Чадаев, – Найдём, на фронтах коли не сгнули, всё узнаем! Исполком принял следующее решение: тебя, Михей Яковлевич, оставляем на испытательный срок при участке... с привлечением к оперативному розыску...

– А Таисию Акифиевну рекомендовали в архивную комиссию..., – сообщила Зоя, – Пришлось словечко замолвить перед Верой Геровной... Она обещала присмотреться, и применение вам найти, милочка, полезительное...

***

Морозный вечер. Неприметная изба в слабо освещённом лунной уличном ряду. Подъезжает карета, выходит Авдей, торкает входную дверь – закрыто. Переходит и тростью стучит по оконному стеклу. Сдвинулась занавесь, выглянула женщина.

– Прохор хай дверь отворяет..., – кивнул ей Авдей.

В избе старушка, приютившаяся в закутке, отгороженной занавесью, деревенского вида молодая женщина Маня и Фикса. На матице масляная лампа освещения, на столе коньяк и магазинная снедь – хозяева селились кушать.

– Проша, человек незнаемый велит затвор отомкнуть..., – отходя от окна, сообщила Маня Прохору.

– Сходи, отомкни...

Женщина накинула платок, вышла в сени. Фикса достал наган, проверил патроны, взвёл боёк и отсел в тёмный угол, где его не стало видно. В горницу вошли Маня и бесцеремонный Авдей, только под самой лампой снявший шапку.

– Выходила – тут сидел? Али вышел куда? – удивилась Маня отсутствию Прохора.

– Фикса, выдь на свет, побухтеть имею! – цикнул Авдей.

Клацнул взвод нагана, Фикса вышел на свет:

– Дрын, ты што ли? Пóтом излился, гадая, кой чёрт прётся по мою душу... Как нашёл, я же про курёху тайную да Маню свою никому не фиксой?

– Метёшь во хмелю как скоморох в балагане...

– А ты по-пьяне без изъяна? – раззадорился Фикса.

– Кто видел, чтобы упился я и лишнего мёл? То-то же!

– Шубу скидать будете, мил человек, чай топлено в избе? – осторожно предложила Маня, – К столу проходите, разговейтесь с нами...

– Пошопотайтесь там, покуда мы делишки перетрём..., – Фикса кивнул Мане уйти в закуток. Маня послушно юркнула к старушке, Авдей уселся за стол, не раздеваясь.

– Урядник там? – слышался голос старушки.

– Заурядник... Не к тебе, сиди..., – занавесилась Маня.

– Испробуешь? – Фикса предложил Авдею коньяк.

– Лей! Самогон не приветлю, а коньяк во здравье...

– С чем пожаловал? Между нами всё вроде ровно мазано? – наполнил лафитники хозяин.

– Уж кой дён гложет меня мыслишка про барахло скородумовское...

– Мнишь, с маржой обхитрились? – сверкнула фикса.

– Слушай и не перечь! – Авдей одним махом опрокинул лафитник. Выдыхая, кивнул на занавеску, за которой остались женщины: – Уши с языком?

– Не баись, не понесут... Фиксой клянусь...

– Фикса твоя отшибается стаканом водки..., – съязвил Авдей и, не дав огрызнуться, продолжил: – Мортую так: Скородумовы всегда были при капитальце, и помимо химических складов имелись свои цеха и хозяйские дворы...

– Как у всякого заправского купца! – выпил и Фикса.

– На кой тады мастеровых искать, притом на стороне? – Авдей сощурился, кивнул на занавеску, и сам же ответил: – А чтобы глазки завидующие не зыркали!

– Понятно метёшь...

– Отсюда чую: во-первыя – тайность! – загибает пальцы Авдей, – Во-вторыя – спешно всей семьёй, с худым сопровождением! В третия – дом вычищен, даже посуду серебряную вывезли, а домысливаю, возвращаться не хотели долго!

– Долго! – аппетитно жуя, поддакивает Фикса.

– Так вот гложет меня экая напасть, что капиталец всяко бы не оставили, при обозе держали, а мы второпях проморгали, затмив zenки прочим барахлом...

– Не возвращаться уже... До меня-то вскую пришёл?

– Не-ет, урканы залётные! – Авдей вальяжно откинулся, словно готовясь раскинуть пальцы как правский уголовник, но стукнул кулаком по столу: – Найду! Возвернуться никак, а домыслить и боле прочего сыскать, где желтуха попрятана – тут мне и нужен помощник... Впишешься?

– За фартовый куш без байды впишусь! – кивнул Фикса и повторно наполнил лафитники коньяком.

– Лады! Шпану держи к делу в неведении... Для них иной закидон намечается...

***

К скованной льдами Волге тропой лесистого откоса спускаются Лещёв и Михей. Достаточно морозно, Михей в рукавицах, с котомкой, Касьян Лещёв держит руки в карманах.

– Ты когда-нибудь держал в руках оружие?
– Чай как оружие? – отвечает Михей, – Настоящее не пришлось... В мальчиках рогачи мастерили, а постарше... строгали пугачи да пуляли по склянкам...
– Меткость показывал?
– Хвастать грешно, Касьян, но око, поверь мне, верное...
– Поверю... но сейчас же и проверю... Был такой демарш, Елсук наш тоже хвастался, а получил наган и расхрястался...

Касьян выбрал подходящее место, распахнул пальто и достал из-за пояса два нагана. Михей вынул из котомки две квадратные похожие на разделочные доски, из-за пояса топорик.

– Чадаев велел подготовиться..., – объяснился Михей.
– Веток наломали бы, и хватило нам на первый раз...
– Я ж топорик прихватил, надо – рубану пару чурбаков...

Соорудили мишенное поле: шагах в двадцати на сугробе приспособили дощечку и пяток чурбаков в ряд, и то же самое вдвое дальше. Касьян проверил боекомплект в барабанах, один протянул Михею и тут же одёрнул руку:

– Первое правило обращения с оружием знаешь?
– Содержать в исправности?

Касьян усмехнулся и сунул наган Михею в руку:

– То понятно! Первое правило обращения с оружием запомни как отче наш: не направляя оружие на человека, если не готов стрелять... Чистишь ли, заряжаешь – ствол в землю...

– Как ты при первой нашей свидке? – съязвил Михей.

– Не делай так никогда! Бей ближний ряд..., – осёкся Касьян. Михей примерился к оружию:

– Рукоять удобная, как штихель в кулаке сидит...

Михей прицеливался секунд пять и, наконец, выстрелил. Один из чурбаков отлетел в сугроб.

– Ух, ловко! Бей соседний чурбачок..., – похвалил Лещёв. Михей повторно выстрелил и снова попал.

– Рука тверда и глаз твой верен... Теперь пали в досочки, но без прицела, а от пояса...

Михей пальнул по ближней – досочка упала. По дальней доске выстрелил оставшиеся патроны, но ни разу не попал...

– Усёк в чём промашка? Глазомер бы и отличный...

– А руки лишь к резакам привычны! – перебил Михей.

– Значит, будут и к нагану привыкать..., – Касьян достал из кармана пачку патронов: – Пара часиков у нас в запасе... Заряжай... Будет тебе известно, любой наган и прочие пистолеты на блатной музыке называются битками!

***

Длинный светлый коридор. Туся подошла к дверям с табличкой «Отдѣлѣнія архива нѣжгородской губѣрнской жандармѣріи», вошла и открыла от удивления рот. Её глазам предстали достатком большие, зашторенные светонепроницаемым бархатом апартаменты манежа, разделённого фигурно кованой металлической решёткой на две части. Посетительская часть: пара столиков с канapé и креслами. Основная архивная часть: длинные ряды высоченных стеллажей с ящиками, пара столов с вертикальными картотеками. За рабочим столом копошится женщина лет тридцати, за вторым сухоощавая аристократичная дама лет сорока – архивариус Граер Вера Георгиевна.

Вера Георгиевна сняла пенсне и осмотрела вошедшую:

– Заломова? Таисия Акифиевна, дай Бог памяти?

– Она и есть... Ищу Граер Веру Георгиевну...

– Опаздываете, барышня? – архивариус подошла к решётке, открыла незаметную дверцу: – Проходите, служба ваша по оную сторону решётки...

– Здоровьица вам! – проскользнула внутрь Туся.

– Моё почтение, барышня! Присядьте к столу... Рассмотрю чудо расчудесное...

Вера Георгиевна закрыла дверцу и вернулась к столу.

– Отчего же меня... разлюбезно-те так?

– Рекомендации превосходные! – Вера Георгиевна села напротив, – Зоя Аркадьевна крайне скупа на эмоции, к вашей же персоне явила даже ревность! А коли Высоковская ревнует, милочка, стало быть, есть в вас действенный резерв...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.